

**Алексей
Кольшевский**

М ЗГОИ

**РОМАН О БЕГЛЫХ
ОЛИГАРХАХ**

**НОВАЯ РУССКАЯ
ЭМИГРАЦИЯ,
ЖАЛКИЙ СБРОД...
НАВОРОВАЛИ В РОССИИ,
И – В ЛОНДОН!
А ЖДУТ ЛИ ИХ ТАМ?**

Алексей Колышевский

Изгой. Роман о беглых олигархах

«ЭКСМО»

2009

Кольшевский А. Ю.

Изгой. Роман о беглых олигархах / А. Ю. Кольшевский —
«Эксмо», 2009

Книга Алексея Кольшевского посвящена новой русской эмиграции в Лондоне – людям, которым удалось прихватить с собой не один миллион, но при этом оставить на Родине неулаженные юридические вопросы. Автор обнажает полную авантюризма и коррупции тайную жизнь российских олигархов в эмиграции. Чего боятся ускользнувшие с просторов Родины нувориши? Как тратят свои миллионы? В романе также поднимается небезызвестная история с полонием, породившая уйму дипломатических скандалов и трений, ухудшивших двусторонние отношения России и Великобритании. Роман будет особенно интересен амбициозным, стремящимся сделать карьеру людям, чьими идолами зачастую являются деньги, власть, независимость, а также тем, кому не безразлично будущее России. «Когда время от времени перед тем или иным обитателем большого коттеджа встает простая дилемма – или переселиться в тюрьму, или переселиться в Англию, – он, само собой, выбирает Англию...» «...в Лондоне – этом центре современной респектабельной эмиграции – вы не найдете ни лузеров, ни грассирующих потомков, никого, с кем в принципе ассоциировалось когда-то понятие „невозвращенец“. Высшее общество живет в собственных особняках, выкупленных у осколков английской чопорной аристократии, не устоявшей перед безграничной русской финансовой возможностью».

© Кольшевский А. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Entrance	5
Картина первая	8
Бриллиантовый квартал	8
Сказочники	15
Любитель Сигар	22
Негры, деньги, женщина	29
Шурик	36
Школьный автобус	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Кольшевский

Изгой. Роман о беглых олигархах

Моей маме

Когда-нибудь потом, далеко отсюда, там, где ничего нет – только бесконечность и рай, мы с тобой, сидя на облаке, с каким же кайфом вспомним все любви, увлечения, страдания. Да, да... Вот только скуку себе не простим и трусость – за все, что не сбылось.

Alma Redemptoris Mater, quae pervia caeli porta manes, et stella maris, succurre cadenti, surgere qui curat, populo: tu quae genuisti, natura mirante, tuum sanctum Genitorem, Virgo prius ac posterius, Gab-rielis ab ore, sumens illud Ave, peccato-rum miserere...

Благочестивая молитва католиков латинского обряда

«Любовь к ближнему, – проговорил сэръ Реджинальд, – не котируется на бирже современных отношений».

Владимир Набоков. «Отчаяние»

Entrance

– Давай сюда все свои деньги, чертова сука!

Она отшатнулась. Ноги сразу отказали, и Ольга Сергеевна села прямо на тротуар. Было два часа ночи, и при скудном уличном освещении громила казался троллем из сказки: темная бесформенная гора плоти, облаченная в спортивную толстовку «Красный дьявол» с капюшоном. В руке громила держал телескопический кистень, один удар которого запросто пробивает капот грузовика.

– Ты что, оглохла? Не понимаешь по-английски, албанская задница? Деньги, или я пробью твою пустую тыкву!

Вечер с самого начала «не задался», несмотря на то что это был вечер пятницы, а значит, ее время. По пятницам Ольга Сергеевна ходила в «Кафе де Пари» на Ковентри-стрит. Почему она выбрала это место? Да потому что самые рафинированные молодые самцы из Сити собирались по пятницам именно здесь. Англичан всегда тянуло к Франции, и наоборот – это уже генетическое. Здесь, в клубе, Ольга Сергеевна снимала паренька не старше двадцати пяти – двадцати семи лет и отправлялась с ним в какой-нибудь отель, номер в котором она бронировала накануне. Наутро они прощались, паренек получал неожиданную прибавку к месячной зарплате и давал слово молодого джентльмена, что «не узнает» Ольгу Сергеевну при следующей встрече. Однако даже джентльмены нарушают слово, особенно после шести-семи порций «Дикой индейки». «Индейка» была родом из Америки, но именно ее заказывали чаще всего. Вот уж воистину – пророка нет в отечестве своем, впрочем, как и в Англии нет бурбона из Кентукки. Пить «Индейку» в клубе с парижским душком здесь, в самом сердце Сохо, рядом с площадью Пикадилли – это ли не долгожданный триумф космополитизма?! Это ли не истинный отрыв от набивших оскомину традиций, которые теперь соблюдают одни чудачки, да и то лишь где-нибудь в Шотландии?

Тот веснушчатый парень – она сразу узнала его – стал вести себя отвратительно с момента ее появления в клубе. Парня звали Ральф, он работал клерком в одном из бесчисленных банков в Сити. В кафе он был с компанией; на коленях у него сидела красотка в супермодной

блузке с интригующим вырезом на груди. Бюст у девицы был что надо, и показывала она его ровно настолько, чтобы это было интересно и волнительно для окружающих. Ольга Сергеевна хотела пройти мимо, не подавая виду, как она обычно и поступала, встречаясь с прежними партнерами, но не тут-то было. Банковский служака сильно набрался после трудовой недели. Увидев Ольгу Сергеевну, он издал губами шлепающий звук и громко произнес:

– Это моя русская мамочка. У нее всегда так хлопает между ног.

Его грудастая подружка рассмеялась первой и, в свою очередь, отпустила что-то весьма обидное в адрес Ольги Сергеевны. Затем это сделалось основным развлечением всей компании Ральфа в тот вечер. Каждый считал своим долгом высказать все, что он думает о «русской мамочке», что называется, «без купюр». Поначалу она делала вид, что ничего не слышит, но один из офисных мальчиков сел за барную стойку рядом с ней и громко обратился к бармену:

– Эй, Юджин, дружище, хочешь заработать пару сотен фунтов? Да? Тогда напои эту старую шлюху и трахни ее так, чтобы она хрипела, как гребаная пробитая волынка. Ральф нехило поднял, когда сделал именно так.

Бармен, ничуть не смущаясь, ответил ему:

– А кто тогда будет стоять за стойкой и наливать тебе? Скажи ей, пусть лезет ко мне сюда, прямо под стойку, и сделает «экспресс». Знаешь, что такое «экспресс», приятель? Это вот так, – и бармен, засунув в рот большой палец, стал быстро двигать рукой вперед-назад и при этом неприлично подмигивать Ольге Сергеевне.

Конечно, нужно было уйти. Давно. Тогда получилось бы обойтись без этого чудовищного унижения. Она никогда – Господи! – никогда и представить себе не могла, что кто-нибудь сможет вот так, совершенно безнаказанно, прилюдно извозить ее в дерьме. Сама Ольга Сергеевна не то чтобы обожала, но время от времени не пренебрегала возможностью, как она это называла, «поставить быдло на место». Там, в своей недавней, но теперь такой невозвратно далекой московской жизни, когда она была почти всемогущей банкиршей, финансовой громадиной, акулой, масштабы влияния которой отдельные льстецы вполне небезосновательно называли чуть ли не государственными, – это все осталось там. Там она протягивала руку для поцелуя генералам и министрам, там в ее приемной томились всякие «мелкие сошки» с состоянием в миллионы долларов и она выбирала, с кем из них пойти на ужин, а кому отказать через секретаря – мальчика, чем-то похожего на этого подонка Ральфа. Ей такие мальчики нравились – это был «ее тип». Только вот там они перед ней стелились и она давила их – о, с каким наслаждением она давила их каблучками, как клопов, как тараканов! А здесь... Нет, здесь все не так. Здесь до нее не было никому решительно никакого дела, и все ее миллионы, которых до сих пор оставалось столько, что трать хоть по одному в день – хватит лет на пять, все ее несметное богатство здесь было лишь грудой денег. На них можно было жить, и даже весьма громко, с тупым купчиковым шиком (чего осторожная, как все банкирши, Ольга Сергеевна не любила и даже фыркала, когда какой-нибудь кучерявый строитель в пьяном угаре вечеринки посылал в задницу всех, у кого нет хотя бы миллиарда), но власти – власти они ей не давали никакой. Не ждали в приемной генералы и министры, да и приемной-то никакой не было. Деньги, ее деньги, любезно сопроводившие ее в вечную лондонскую ссылку, не приносили своей хозяйке былого наслаждения.

Когда она шла, почти бежала к выходу, то весь клуб, казалось, провожал ее гоготом и улюлюканьем. Пошлые и откровенно грязные шуточки сыпались со всех сторон, и, оказавшись наконец на улице, Ольга Сергеевна почувствовала себя оплеванной. Пережить такое унижение было почти невозможно, и она не нашла ничего лучше, чем напиться тут же, неподалеку, в крошечном безмянном баре, каких полно в Сохо. В кабачке ей стало дурно от спертого воздуха, и она совершила очередную ошибку: вместо того чтобы взять такси и поехать домой, Ольга Сергеевна решила прогуляться. Она долго шла по Пикадилли, не заметила, как попала в

парк Сент-Джеймс, и очнулась только тогда, когда прямо навстречу ей вышел этот огромный, каменный «Красный дьявол».

– У меня почти триста фунтов наличными и кредитки, – пролепетала Ольга Сергеевна жалобно, – и еще драгоценности. Вот, – она принялась, ломая пальцы, стаскивать одно за другим кольца. Протянула их вместе с кошельком громиле. Тот взял только деньги. Кредитки и драгоценности швырнул ей обратно.

– Мобильник есть?!

Схватил телефон и разбил его об асфальт.

– Сиди тихо, албанская задница.

Ольга Сергеевна послушно залепетала:

– Я никому ничего не скажу. Не волнуйтесь, пожалуйста.

Он усмехнулся:

– Что-то для албанки ты больно вежлива.

– Я русская, – зачем-то сказала Ольга Сергеевна.

– А-а-а. Продала атомную бомбу и приехала сюда? Вас здесь много таких. Русские, мать вашу! Ты небось крутая, да? У тебя счет в «Ллойде»¹ и дом больше, чем у Мадонны, да? А я, англичанин, по твоей милости должен жить на помойке?! Думала откупиться от меня?!

– Нет, что вы, – прошептала Ольга Сергеевна и вдруг, почувствовав, что сейчас случится ужасное, взвизгнула:

– Помогите!

«Красный дьявол» взмахнул своим кистенем, и Ольга Сергеевна стала медленно заваливаться на правый бок. Ее нашли спустя несколько часов первые любители утреннего бега.

¹ Один из крупнейших банков Великобритании. – Здесь и далее прим. автора.

Картина первая Шестидневный мир

Бриллиантовый квартал

Отчего человек становится преступником? Вернее, так: ради чего он им становится? Проваливается из тихого, спокойного обывательского мирка в мрачный тартар, откуда уже никогда не будет возврата. Ответ один: хочется всего и сразу. Причем не только хочется, но кажется, что желание это вполне справедливо и, что самое главное, обязательно сбудется! Дело выгорит, и, всех обхитрив, будет баловень судьбы сидеть где-нибудь в плетеном кресле посреди стриженного изумрудного газона, закинув руки за голову, и любоваться небом, синим до одури и совсем не в крупную, из стальных прутьев сваренную клетку. И, вопреки закону преступления и наказания, так бывает: и плетеное кресло, и газон, и чистое небо... И плевать на мораль, ее выдумали одутловатые трусы, импотенты и сексуальные извращенцы.

Господь Бог устал от мира, который сотворил за шесть дней. Быть может, он слишком поторопился? Все-таки шесть дней на все про все – это слишком мало. Невозможно учесть все, так сказать, нюансы, вот и происходит в шестидневном мире всякая несправедливость: войны, богатые грабят бедных, делая их еще беднее, а сами становятся еще богаче. Между бедными и богатыми вакуум космоса, и Господу Богу до этого нет никакого дела. Когда он творил этот несовершенный мир, он и сам был молод и страдал юношеским максимализмом. Казалось, что предвидел все, а теперь он с неохотой признается сам себе, что все же очень поторопился. Поспешил настолько, что теперь ничего не может сделать, и сыновей, которые согласны будут взойти на голгофский крест, у него больше нет.

* * *

Я почти не спал в ту ночь, и вместе со мной не спал Манхэттен. Регистрироваться в отеле означало лишний раз наследить, обозначить свое присутствие в Нью-Йорке, а значит, подарить тем, кого может заинтересовать маршрут моих передвижений по Штатам, неубиваемый козырный туз. Этим тузом меня, в случае чего, и прихлопнут.

К счастью, в этой стране еще принимают к оплате наличные и кредитку можно убрать подальше, тем более что хозяйка квартирки рада тридцати баксам, которые я плачу за право переночевать на диване в одной из комнатушек ее двухкомнатной, one-bedroom flat. Рада до такой степени, что даже кормит меня русским борщом и пирожками. Единственное, что немного раздражает меня, помимо постоянного, не прекращающегося и по ночам шума, – это набожность хозяйки, возведенная в степень фарисейства. Каждое утро, когда после бессонной ночи, освежив себя душем, я сажусь за стол и с ужасом смотрю на количество приготовленной для меня еды, она встает за моей спиной и начинает читать молитвы. Первая молитва «еврейская», она читает ее по-русски. Вторая «буддийская» и звучит также по-русски, и, наконец, третья – старый добрый «Отче наш» на старославянском. Каждый раз, когда я слышу эту молитву, я невольно думаю – отчего ее читают на языке, которого нет? Ведь в ней такие нужные и мудрые слова, а смысл их приглушен старой, окаменелой лексикой. А еще говорят, что самые большие традиционалисты – это англичане. Куда им до нас?

Я просыпаюсь в ее квартирке в третий раз. Каждый раз утром я не знаю, что приготовил мне новый день, и поэтому каждый раз, перед тем как покинуть свою берлогу в многоквартир-

тирном «социальном»² доме на Девяносто первой Вест, я прощаюсь с медведицей-хозяйкой. Предыдущие два дня прошли впустую, я так и не достал то, ради чего с такими предосторожностями прибыл в Нью-Йорк. От бессонницы у меня обострились все ощущения и чувства и даже открылся третий глаз. Именно с его помощью, с последней надеждой выспаться кутаясь в утреннюю полудрему, я увидел, что сегодня мне повезет.

– Алевтина, я, как обычно, прощаюсь с вами. Отчего-то именно сегодня я уверен, что вечером уже не вернусь.

Ей за шестьдесят. Круглая румяная тетка, добрая и простодушная. Мне жаль ее: ее жизнь почти прошла, и была она тяжела и безрадостна. Алевтина рассказала мне свою биографию в тонких подробностях, и я не перебивал ее. Просто не хватило духу. С такими людьми сталкиваешься нечасто, они несут в себе искру наивного и доброго божества. Такими Он хотел бы видеть каждого из нас, но...

– Жаль. Вы были интересным собеседником. Куда собираетесь сегодня?

Я отчего-то растерялся и честно ответил:

– В Бриллиантовый квартал.

– О! Там так прекрасно! Хотите что-то купить?

Я чуть было не рассмеялся, представив себе ее лицо после того, как она услышит честный ответ на свой бесхитростно-бабий вопрос: видимо, нервы натянуты до предела рояльной струной. Сдержался, неопределенно пожал плечами:

– Так... Может быть. Там столько всего блестящего, что я никак не могу поверить, что все это может быть настоящим.

Она важно и с затаенной в глазах благодарностью (дал ей еще один шанс быть нужной) кивнула:

– Там все настоящее. Это Америка, здесь не продают стекляшки, выдавая их за бриллианты. Здесь бриллиантами никого не удивишь, их тут очень много.

Внезапно она сделалась грустной. Я невольно поразился тому, какая скорбь появилась вдруг на ее лице:

– А у меня, – продолжала Алевтина, – всего одно колечко. Хотите, я вам его покажу?

Я вежливо кивнул.

– Вот, – она протягивала мне кольцо из медного, чуть потемневшего «русского» золота с вдавленным в центр крупным – никак не меньше двух карат – камнем удивительной чистоты.

– Вы привезли его с собой в эмиграцию? – я вертел вещь в руках, не в силах оторваться от чудесного камня.

– Да. А почему вы спрашиваете? Как вы догадались?

– Ну, догадаться-то несложно. Только наш горе-ювелир может буквально вбить бриллиант в оправу, вместо того чтобы поместить его сверху, подчеркнув тем самым его красоту. Камень чудесный, я не вижу в нем никаких дефектов, он прекрасен даже в таком плененном состоянии.

Она всплеснула руками:

– Да вы, я вижу, специалист!

– Да какое там... Просто любой мужчина хоть раз в жизни дарил бриллианты, а я еще и подготовился к покупке такого рода, изучил, так сказать, теорию. Просто к продавцам подобных безделушек я не питаю особенного доверия, вот и пришлось изучить шкалу чистоты камней, виды огранки... Так, ничего особенного, но я по крайней мере знаю, что такое бельгийская огранка первой чистоты. Красивый у вас камешек, нечего сказать. Только мне кажется, что так никто больше не гранит. Он у вас старый, по всей видимости?

² «Социальный», или муниципальный, дом – дом с низкой квартирной платой и «тяжелым» контингентом жильцов, с плохими маленькими квартирами, что-то вроде «хрущевки».

– Да, наверное, – она как-то ступевалась, словно раздумывая, продолжать ли этот разговор, но потом все-таки решилась и тихо сказала:

– Я нашла этот камень.

– Вот как? Интересно. Не расскажете подробнее?

– В Риге. Я там жила когда-то и нашла сережку с бриллиантом прямо на тротуаре. Отдала одному ювелиру, попросила сделать колечко, и вот...

Я вернул ей кольцо, покачал головой:

– Кто-то, наверное, очень переживал из-за этой сережки. Все-таки это большая потеря...

Алевтина с трудом надела кольцо на мизинец толщиной с вареную сосиску:

– Когда-то оно свободно налезало на средний палец. Я и сама иногда думаю, что не нужно мне было брать эту сережку. Подняла с земли чужое горе.

Меня начинал утомлять этот разговор, и я демонстративно поглядел на часы:

– Мне пора. Всего вам доброго.

– До свидания. Удачи вам.

– Спасибо, мне не повредит.

Я уже стоял в лифте, ждал, пока закроется автоматическая дверь кабины, а она все не закрывалась. Хозяйка квартирки стояла на пороге и из вежливости не уходила, и приходилось обмениваться с ней вот такими никудышными коротенькими репликами. Она сказала еще что-то в том же роде, я стандартно ответил. Наконец лифт, словно опомнившись, захлопнулся и быстро пошел вниз. Я прислонился спиной к его стенке и закрыл глаза. Только бы получилось...

* * *

На Сорок седьмой – муравейник. Толпы ортодоксальных евреев в своих забавных одеждах и шляпах с озабоченным видом снуют в разные стороны. Один из них, молодой, стоит на тротуаре с пачкой каких-то прокламаций. Протягивает мне одну со словами:

– Вы еврей?

Качаю головой. Нет, не еврей я. Русский. Не берут евреев в мое ведомство, не доверяют им почему-то. Зато знаю многих странных, на мой взгляд, людей, которые, не имея к евреям никакого отношения, почему-то настойчиво пытаются всем доказать, что они-то как раз самые что ни на есть «чистые» евреи. Зачем? Евреем теперь быть модно. Все российские олигархи – евреи, ну или почти все. Да и вообще евреи успешный народ: не пьют и всегда при деньгах. Молодцы, одним словом.

Из всего веселого еврейского многообразия меня интересовал один-единственный ничем не примечательный человек с грустным лицом. Мы были знакомы, и помимо этого знакомства у меня про запас была половинка пароля, так что ошибиться было невозможно. Вся загвоздка в том, что третий день я не мог найти Семена на его обычном месте, и сказать условную фразу было некому. Пройдя через Центральный парк от Девяносто первой, я вышел через главные ворота, по Бродвею дошел до Тайм-сквер и уже с нее свернул на Сорок седьмую. За три дня я выучил этот маршрут и запомнил его «маячки»: вот алкогольный магазинчик, а это подземный гараж, далее бюджетный отель с запыленной вывеской «Кровать и завтрак», ресторан «Японика» и, наконец, угол Шестой и Сорок седьмой Вест. Именно он мне и нужен.

В витрине, где тысячи бриллиантовых звезд брызгали лучами сквозь пуленепробиваемое стекло и освещали лица прохожих, отбрасывая на них оттенок мечты, я увидел знакомый профиль человека, который разглядывал что-то, смотря поверх очков. Темя его покрывала черная велюровая кипа, укрепленная с помощью какой-то хитрой штуки, в просторечье именуемой «невидимка». Такие невидимки еще носят девочки-школьницы, а вот очки Семен Кистенбаум носил «для понта». Зрение у него было отменным, даже ювелирная профессия так и не смогла

заставить его глаза хоть немного ослепнуть. Семен всегда глядел поверх очков, он говорил, что так у него получается взгляд профессора математики или врача с большой практикой. Отчего-то он стеснялся своего ремесла.

– Бог мне судья, – говаривал Семен на забавном одесском диалекте, – но в моем деле лучше быть немножечко не тем, кем я есть на самом деле.

И даже эта короткая фраза была не менее двулична, чем сам Кистенбаум. Иногда я начинал думать, сколько же на самом деле масок хранит он в своем шкафу жизненного опыта и смекалки, и всегда сбивался, дойдя до второго десятка. Пусть я и научился просчитывать его лучше остальных, все равно роаяль в кустах присутствовал постоянно.

Мы договаривались встретиться в понедельник, а сегодня уже среда. Среда была резервным днем, и если бы сегодня я не увидел среди всех сокровищ витрины магазина самого главного сокровища – головы Кистенбаума, то пришлось бы возвращаться в Москву. При этом раскладе Москва для меня означала все самое плохое, что может произойти с человеком, который не оправдал надежд высшего руководства страны. Тот, кто знает столько, сколько знаю я, обычно исчезает в могиле с чужим именем на надгробной плите, и это еще в лучшем случае. Как вариант – паровозная топка имени товарища Сергея Лазо. Кто-то мне божился, что она существует на самом деле.

Конечно, он ждал меня и нервничал. К чести Семена скажу, что нервозность у него выражалась лишь тем, что очки сползли несколько ниже, чем обычно, на самый кончик длинного носа, и Кистенбаум, перестав играть в близорукость, цепко рассматривал мир вокруг себя. И все же я увидел его раньше, чем он меня.

Семен сидел за прилавком и препирался с каким-то скандальным канадцем. В том, что это именно канадец, да еще и франкоговорящий, особых сомнений не возникало: чистый английский с фирменным квебекским «грассе». Кто однажды услышал, при условии отсутствия слона, отдавившего ухо, тот запомнит навсегда. В моей жизни всего хватало, но вот слон так ни разу и не встретился. Канадец подозрений не вызывал, но влезать в их с Семеном беседу явно не стоило. Пришлось отираться возле прилавков с драгоценной мишурой...

Вы бывали в ювелирном магазине? Да? Тогда конкретизирую вопрос: вы бывали в американском ювелирном магазине? Тоже да? Хм... Ну, хорошо. Тогда совсем горячо: вы бывали в магазине на Сорок седьмой в Нью-Йорке? Нет? Тогда вы ничего и не видели. Даже груды полуфальшивого золота Турции и алмазные россыпи Аравии в сравнении с изобилием Бриллиантового квартала – не более чем груды тусклых побрякушек с прошлогодней рождественской елки. Здесь собрано все самое лучшее, и именно здесь, где в воздухе витает бриллиантовый дым, становится окончательно ясно, что все золото и все счастье осело тут, обнажив илистое дно Европы и превратив ее в обнищавшие задворки этого единственного хозяина мира – Соединенных Штатов. Девяносто процентов добываемых в мире бриллиантов лучшего качества находят своих арендаторов как раз в США. Именно арендаторов, а не владельцев, ибо бриллиант живет собственной жизнью, и когда ему хочется перемен, то он сам в состоянии распорядиться своей участью. Иногда это заканчивается смертью арендатора, и чем камешек чище и крупнее, тем меньше он задерживается в одних руках. Да и можно ли всерьез производить «владелец бриллианта такого-то», если жизнь человеческая – несколько десятков лет, а жизнь камня исчисляется с самого рождения шестидневного мира? Бриллианты – прозрачные слезы Бога, которыми он оросил Землю в седьмой день, когда понял, что исправить уже ничего не получится.

* * *

Канадец фыркнул в последний раз и извлек из бумажника кредитку. Семен немедленно вцепился в нее мертвой хваткой, и видно было, что у канадца не осталось ни единого шанса

для шага назад. Кистенбаум с нечеловеческой быстротой «прокатал» канадскую карточку и с улыбкой протянул ее владельцу. Тот со вздохом подписал чек.

– Поздравляю! – Кистенбаум, весь поглощенный сделкой, сиял, словно бриллиантовый перстень в четыре карата. – Вы вложили деньги наилучшим образом.

С одесскими прибаутками, забавно звучащими по-английски, Семен отпустил канадца восвояси и, проводив его долгим взглядом сквозь витрину, с видимым напряжением повернулся ко мне. Я как раз успел занять место возле прилавка, и мы встретились буквально нос к носу.

– С-слушаю вас.

Семен столь явно пытался придать голосу бодрости, что я не выдержал и широко улыбнулся. Семен несмело ухмыльнулся в ответ.

– Меня интересует пятнадцатидюймовая бриллиантовая нить и что-нибудь, что можно на нее подвесить, подходящего размера. Есть у вас такая вещь?

Семен с пониманием кивнул и ответил:

– Это не самый дешевый товар. Он только для серьезного покупателя.

– Я как раз такой. Серьезный.

– Тогда прошу вас пройти со мной в офис. Я храню подобные вещи там.

В офисе, когда он закрыл дверь на три оборота ключа, мы обменялись крепким рукопожатием, хотя я с удовольствием обнял бы его. Я был рад его видеть – при всей своей неоднозначности Семен был славным человеком. Честным, насколько вообще может быть честным ювелир, отсидевший за скупку краденого в России и сумевший (не без моей помощи) перебросить через океан «кое-что», что позволило ему без особенных хлопот открыть дело здесь, на Бриллиантовом острове. Он был обязан мне, именно поэтому я его сейчас использовал.

– Рад видеть тебя, Пашка. Сколько лет, а зим и того больше!

– И я рад видеть тебя, Сэмэн. Ты молодец. Сидины только прибавилось, но это тебя не портит.

– Ай, Паша. Как можно испортить то, что и так испорчено с момента перевязки пупка? Когда моя аидише мама носила меня, то часто лежала на правом боку. Оттого и голова у меня похожа на фасоль.

– Не прибедняйся. Голова такая оттого, что у тебя две макушки. Значит, ты не просто умный еврей, ибо нет евреев глупых – это доказано историей, а вдвойне умный еврей.

– Эх, Павлик... Твои слова да Богу в уши...

Я достал пачку «Лаки Страйк», Семен поморщился:

– Это многих доконало. Я думал, что ты завязал.

– Семен, завязывают с другим. А курить я и не пытался бросить. Я люблю курить. Но если ты против, то я потерплю.

Семен вздохнул:

– Тогда и мне давай одну. С какой стати я просто так стану дышать твоим дымом?

Я протянул ему сигарету, мы посмотрели друг на друга и от души рассмеялись.

Некоторое время сосредоточенно курили, разглядывая каждый свое. Я осматривал его «офис» – небольшую каморку с четырьмя шкафами и письменным столом, выдавшим виды, Семен украдкой посматривал на меня и еле слышно вздыхал. Я понимал, что Кистенбаум ждет моего вопроса, сам не вылезает:

– Павлик, ты будешь кофе?

– Конечно. Черный, половина ложки сахара и щепотка корицы, если есть.

Семен всплеснул руками:

– Ты в порядочной еврейской лавочке. Здесь всегда есть корица!

Он чуть помедлил.

– Однако память у тебя. Даже корицу помнишь.

Я отхлебнул. Замечательный кофе! Еще бы мне не помнить корицу, кофе с ней я пил двадцать лет назад, во время обыска, который моя группа проводила в московской квартире этого парня. Корицу помню, а звание свое тогда – нет. Чертовщина какая-то.

– Ты читал объявление в газете? – я прищурился оттого, что дым попал в глаз, и со стороны должно было казаться, что мне и самому противен собственный вопрос.

– Читал. Я покупаю эту газету с тех самых пор, как моя нога коснулась местечка под названием Нью-Йорк.

– Местечко? Ха-ха! Семен, ты по-прежнему любитель пошутить. Хотя, если учесть количество твоих соплеменников на улицах города, его и впрямь можно назвать еврейским местечком, чем-то вроде Жмеринки. Ладно... Так ты прочел мое объявление?

Семен сокрушенно вздохнул:

– Прочел.

– Ты достал?

– А что мне было делать? Конечно, достал. Если бы ты знал, чего мне это стоило! Если бы ты только знал...

– Ты хочешь сказать, что я тебе что-то должен? Может, еще хочешь, чтобы я заплатил тебе полную рыночную стоимость этого дерьма?

– Все, чего я хочу, так это не покупать больше газету.

Я вытянул из пачки очередную сигарету, затянулся и выпустил струю дыма ему в лицо:

– Хватит причитать. Давай сюда то, что достал.

Кистенбаум вытащил из кармана маленькую коробочку с кнопкой, нажал. Стена поехала вбок, и показался гигантских размеров сейф с подобием корабельного штурвала на бронированной двери. Семен подошел к сейфу, набрал комбинацию и повернул штурвал, словно заправский капитан. Да он и был капитаном, как и каждый, кто ведет собственный корабль меж острых рифов жизни, а не плывет по течению, словно безвольная щепка.

Порывшись в сейфе, который под завязку был наполнен драгоценным содержимым, он не без труда извлек средних размеров свинцовый ящик и бухнул его прямо мне под ноги.

– Вот. Забирай свою мерзость, и чтобы ты мне был здоров.

Я с нарастающим удивлением смотрел на ящик, затем поглядел на Семена и покрутил пальцем возле виска:

– Ты в своем уме? Как я с этим попаду в самолет?

– А ты открой.

В ящике, который на самом деле представлял собой цельный свинцовый саркофаг, в углублении помещался пластиковый футляр, похожий на сигарный хьюмидор и аэрозольный баллон одновременно. На баллон – оттого что сверху футляр был снабжен дозатором-распылителем. На футляре маркировка «Локхид-Мартин»,³ значок радиоактивности и надпись «основной компонент – изотоп полония-210». Я провел по баллону пальцем: на ощупь пластик. Взял в руку – так и есть: пластик; видимо, очень прочный; а сама «сигара» увесистая, весом не меньше килограмма.

Семен смотрел на меня исподлобья и в нетерпении отбивал такт левой ногой, отчего стал немного похож на сердитого быка, готового попытаться забодать тореадора. Рукой он оперся о стол, заваленный всякими ювелирными инструментами и приспособлениями.

– Ящик мой собственный, – наконец пояснил он. – Я все еще люблю женщин не только глазами, и черт его знает, как эта гадость могла повлиять на мои причиндалы. Я, между прочим, ездил за твоим заказом аж в Уичиту,⁴ а это полторы тысячи миль. У меня на все про все вместе

³ Один из крупнейших подрядчиков Минобороны США, разработчик и производитель всех видов оружия.

⁴ Город в штате Канзас, синоним глухой провинции и скуки.

с дорогой ушло четыре дня, а когда я останавливался на ночь в мотеле, то приходилось брать чертов ящик с собой. Так я и спал: в одной руке эта тяжесть, а в другой...

Он внезапно резко дернул ящик стола и выхватил оттуда никелированный девятимиллиметровый револьвер «Таурис» с глушителем. Направил оружие на меня и – не успел я даже пикнуть – нажал на курок.

Сказочники

Английская осень... Собственно, осень здесь круглый год, и совершенно точно, что именно в этой стране и расположена ее штаб-квартира. Британский Остров формой напоминает закутанную в шелка женщину, чьи одежды немилосердно треплет ветер, и лишь чудо портновского искусства позволяет этой леди не утратить чувства собственного достоинства, представ вдруг перед всем миром в своем бледном неглиже. Отсюда, с Острова, осень наступает по всей Земле. Но тот, кто по-настоящему влюблен в это время года, лишь здесь, на Острове, может насладиться истинными осенними прелестями. Всякая прочая пора дождей и туманов – лишь копия с английского оригинала, а потому опасна для здоровья и многими нелюбима.

Осень в Лондоне особенно прекрасна, город в ней – словно чистой воды бриллиант в оправе из розового золота. Серый камень Тауэра хочется прижать к сердцу и гладить его, словно теплого, домашнего, никуда не спешащего кота. А выкурить сигарету, прогуливаясь по набережной и рассматривая подсвеченный желтым пламенем Карандаш-с-часами?⁵ А потом выщелкнуть окурок и смотреть, как он, словно удаляющийся ночной поезд, бесконечно долго летит по воздуху и наконец растворяется в черной воде Темзы? И мелькнет шальным бесом мысль: «Все слишком геометрично и правильно. Жаркой, голодной крови сюда, авантюры, великих и безумных замыслов». И тут же одернешь себя: «Да ведь это и так чертовски прекрасно! Не изменить ничего, совсем как в истинной гармонии». Но, пожалуй, самой важной частью ритуала поклонения осенним дарам является прогулка в Гайд-парке: ничто ее не заменит.

Двое мужчин возраста, который принято называть «чуть за сорок», вполне очевидно принадлежали к тому разряду истинных поклонников Королевы листопада, для которых прогулка в парке есть не что иное, как традиция, которую принято соблюдать. Опытный наблюдатель без труда определил бы в них иноземцев, но не туристов, которые приехали в Лондон по своим поверхностным надобностям вроде фотографирования с полицейским из охраны Букингемского дворца или безумных ночных попок в Сохо. Видно было, что город этот был для перешагнувших сорокалетний рубеж собеседников пусть и новым, но все же постоянным местом их проживания. Местом, к которому они вполне успели привыкнуть, и даже настолько, чтобы сделать Гайд-парк местом своих встреч и бесед, происходящих раз в неделю, как правило, по вторникам между двумя и четырьмя часами дня.

По сложившейся уже традиции они встречались в самом центре, на площадке внутри треугольника, образуемого Ринг-роад, Эксибишен-роад и Серпантинном, заходя на территорию парка с двух противоположных сторон. Внутрь парка их автомобили никогда не въезжали. До места встречи каждого сопровождали двое молчаливых спутников, чьи крепкие затылки, широкие плечи и подвижные головы не оставляли сомнений в их профессии хранителей тела. За те несколько шагов, которые оставались между собеседниками, охрана почтительно отставала, и в течение двух часов ничем не обнаруживала своего присутствия, находясь в то же время на расстоянии точного пистолетного выстрела, то есть не далее двадцати пяти – тридцати метров.

Одетые неброско и безупречно, то есть так, как и принято одеваться джентльменам, мужчины обменивались рукопожатием, оставаясь при этом в перчатках, и начинали свою неторопливую прогулку по осенним аллеям, негромко переговариваясь и сдержанно выражая эмоции кивком головы. Один из них курил короткие, средней толщины сигары и за время беседы, как правило, выкуривал таких по две штуки. Другой предпочитал сигареты и употреблял их чаще: за два часа его зажигалка выбрасывала огненный язычок не менее десяти раз. Иногда тот, что

⁵ Биг-Бен.

курил сигареты, начинал говорить чуть громче обычного, но тут же останавливался и оглядывался по сторонам, совершенно очевидно опасаясь, что его слова может кто-то услышать. Его опасения всегда были напрасны, и собеседники вновь возвращались к своему прежнему размеренному и негромкому разговору.

Однако, оказавшись у кого-либо из прохожих, точно так же выбравших Гайд-парк местом своих размышлений, возможность услышать и понять то, о чем говорили эти двое, сто к одному, что невольного слушателя охватило бы удивление, граничащее с любопытством и даже страхом. Дело в том, что разговаривали оба джентльмена по-русски, а темы, которых касались они в своих разговорах, были не вполне обыденными и уж точно не сводились к традиционному мужскому обмену впечатлениями об итогах футбольного матча или достоинствах той или иной женщины или автомобиля. Стандартным набором банальностей беседа не отличалась, скорее это был разговор двух философов, чье направление мысли лежало далеко в стороне от пошлого и скучного материализма, склонного объяснять суть вещей со своей приземленной точки зрения, отмечая то, что не в силах постичь. В то же время принять обоих за людей, имеющих к философии или вообще к науке хоть малейшее отношение, было бы ошибкой: философы не ездят на встречу друг с другом в черных лимузинах, их не сопровождает вооруженная и отлично тренированная охрана. Богатство никогда не было подспорьем чистой мысли, а те двое были богаты. Богаты настолько, что могли себе позволить хотя бы раз в неделю не говорить о своем богатстве и способах его преумножения. Вот почему именно сейчас тот, кто предпочитал сигареты, увлеченно рассказывал своему знакомому невероятную историю человеческой судьбы и обстоятельств, которые самым роковым образом на эту судьбу повлияли:

– И вот представь себе, все началось в Риге, – со значением в голосе заявил Любитель Сигарет.

– Интересно, – вежливо отозвался его приятель и ловко стряхнул пепел со своей сигары. Аккуратный цилиндрик бывшего табака упал на землю и немедленно сделался ее частью, превратившись в прах.

– Вернее, даже не так. Не в Риге. Все началось шестьдесят пять лет назад в каком-то российском городе. Я забыл, в каком именно. Да вот хотя бы и в Пензе, не так уж это и важно. Эта самая Алевтина родилась в июле, кажется, пятнадцатого числа. Отец у нее был военным; когда девочке исполнилось пять лет, его направили служить в Ригу, и они переехали туда всей семьей. Примерно в то же самое время в семье одного местного торговца антиквариатом тоже родилась девочка, и назвали ее Илза.

– Типично, – вновь отозвался тот, что курил сигару. – Я имею в виду, имя типичное. Прибалтийское.

– Ну да. Согласен. Так вот, эта самая Илза, не успев родиться, принялась болеть, и никто, ни один врач не мог определить характер болезни. Все только разводили руками. Нет, разумеется, улучшения были. Иначе мне и рассказывать было бы не о чем, да и не о ком. Но в целом все, как говорится, было плохо и даже еще хуже. Неизвестно, чем бы все закончилось, только однажды мать этой самой Илзы пошла, как обычно, к воскресной мессе. Она всегда ходила в один и тот же костел и никогда не опаздывала, но в тот день дочка расхворалась больше обычного, и мать задержалась дома, пока не закончился приступ. Потом дочь уснула, а мать глянула на часы и поняла, что если пойдет обычной дорогой, то пропустит половину службы. Тогда она решила пойти более коротким путем, через городское кладбище.

– Да... – задумчиво вымолвил собеседник. – Кладбище в Риге красивое. Больше похоже на парк. Тишина, покой... Туда раньше экскурсии возили. Автобусные... Извини, что я перебил, продолжай, пожалуйста.

– На дороге, ведущей через кладбище, навстречу ей попала старуха. Вернее, так: старуха сидела на лавочке, а мать девочки быстрым шагом проходила мимо. Вот тогда старуха ее и окликнула. «Незачем, – говорит, – бежать к Богу. Бог тебе не поможет». И назвала мать по

имени. Та, понятное дело, остолбенела от удивления. А притом уже вечер, сумерки, и дождь прошел недавно, кругом туман, и тут вдруг эта бабка на кладбище, которая знает, как ее зовут, и толкует о каком-то горе. А какое еще может быть горе, кроме как горе ее Илзы? Женщины, старина, они иногда гораздо быстрее соображают в таких вещах, чем мы, мужчины, вооруженные нашим прагматизмом и самоуверенностью.

– Гормоны разные, – с усмешкой заметил приятель.

– Черт его знает... В общем, пришла мать в себя и присела рядышком со старухой. Так и сидели какое-то время. Молча. А потом мать не выдержала и говорит:

«Вот я не пошла к Богу, а вместо этого села рядом с тобой. Так что же ты молчишь?»

«Думаю, помочь тебе или нет, – отвечает старуха. – А то ведь всем помогать, так, чего доброго, можно и заменить того, к кому ты только что бежала, а он известный болтун. Наобещает всего на завтра, а сегодня просит потерпеть. У тебя еще остались силы терпеть, милая моя? Остались силы видеть, как твоя Илзочка мучается сама и мучает всех вас?»

«Нет», – честно призналась мать и чуть было не заплакала – оттого что произнесла вслух свои мысли и оттого что доверила их какой-то встречной старухе.

– Ну, старуха-то, положим, далеко не первая встречная, – перебил приятель. – С ней-то как раз все понятно с самого начала.

– Ну, это тебе понятно, – возразил Любитель Сигарет с некоторым раздражением в голосе, – и вообще, могу я тебя попросить не перебивать?!

– О! – лишь развел руками второй собеседник, и сразу стало понятно, что он весь внимание и что взаимоуважение для него не пустой звук.

– Тогда старуха ощерилась своей старушечьей и оттого неприятной пастью и сказала:

«Ну, раз ты такая искренняя и честная – а это качества, которые я ценю в людях превыше всего, потому что их столь же редко можно встретить в вас, сколь ту самую ложку меда в бочке с дегтем, – то я научу тебя одному незамысловатому способу, и...»

«Моя дочь будет здорова?!» – не выдержав, спросила мать.

«Да... – старуха немного помолчала, а потом добавила: – но при этом будет страдать кто-то вместо нее. Тебя это не останавливает?»

«А я буду знать, кто это будет?»

«Нет. Не будешь».

«Не знаю, – почти сразу, не раздумывая, ответила мать. – Как-то не нравится мне твое предложение».

«Вот это мне куда понятнее, – вновь ощерилась старуха. – Теперь я вижу, что не зря мы встретились, милая. Потому что ты можешь продолжать оставаться прежней, добренькой и совестливой мешаночкой-прихожаночкой, а вот дочь твоя доживет до тринадцати лет и... умрет».

Матери очень захотелось вцепиться этой старой фурии в ее седые волосы, потому что она подумала, что та ее обманывает, но старуха продолжила:

«Умрет, если ты не сделаешь вот что. Возьми свою самую любимую драгоценность, ту, расставание с которой по силе было бы для тебя вторым после утраты дочери, раздели эту драгоценность поровну и одну половину оброни в людном месте, так, чтобы ее наверняка нашли. Тот, кто поднимет ее и присвоит, получит с ней силу того проклятья, которому я тебя научу».

И старуха произнесла нужные слова.

«А моя дочь?»

«Она будет жить и будет счастлива и здорова. И ей даже не надо будет таскать с собой ту оставшуюся половину драгоценности. Пусть делает с ней все, что захочет».

Тут вдруг мать испугалась, оттого что наконец поняла, с кем именно она сидит рядом. Она вскочила, перекрестилась, без оглядки побежала прочь и больше никогда не ходила через кладбище.

– И что? Это конец? История получилась неоконченной. – Любитель Сигар был явно разочарован, это свободно читалось на его лице.

– Да какое там... Концом тут и не пахнет, ведь в жизни семьи торговца антиквариатом все оставалось по-прежнему плохо. Илза болела, и ее болезнь сводила на нет все прочее, хорошее. Мать продолжала исправно молиться, и внезапно девочка пошла на поправку! Шли годы, о ее болезни начали постепенно забывать, и вскоре забыли совершенно. И вот ей исполнилось тринадцать лет, а той самой дочери военного, Алевтине, приехавшей из Пензы, исполнилось восемнадцать, и она перешла на второй курс Рижского педагогического института. Антиквар заболел...

– Черт знает, что за история, – фыркнул джентльмен с сигарой. – Все какие-то больные, несчастные. М-да... Чем хоть заболел-то?

– Раком.

– Свят-свят. Мрак сплошной.

– Позволь, я все же продолжу?

– Да уж теперь все равно. Говорю же, мрак. Тучи сгустились аж до самой стратосферы, и никакому ветру их не раздуть. Валяй...

– Благодарю. Так вот: антиквар скоропостижно скончался, семья, как это часто бывает при предприимчивом муже и инфантильной, безразличной к его делам жене, разорилась, и у теперь уже вдовы антиквара не осталось ничего от прежней роскоши, кроме пары бриллиантовых сережек. Каждая с камнем карата в два, и каждая могла бы стать залогом нескольких безбедных лет существования вдовы, так как речь о продолжении жизни дочери вести было бы опрометчиво. Видно было по всему, что Илзе осталось несколько дней: она лежала в кровати и ничего не могла есть. Все врачи отказались от визитов ввиду их полной бессмысленности. И вот тогда мать вспомнила ту встречу на кладбище. Она взяла одну из сережек, поднесла ее к губам умирающей дочери, затем пошептала над сережкой что-то – несколько слов, которые услышала тогда от старухи, – и, зажав драгоценность в кулаке, вышла на улицу. Она шла, не разбирая дороги, не имея в голове никакого определенного маршрута, и очнулась лишь тогда, когда оказалась на шумном дворе того самого института. Гомон счастливых, здоровых, молодых студенческих голосов вывел ее из сомнамбулического состояния и ожесточил ее сердце. Она разжала кулак и быстро, не оглядываясь, пошла прочь. Не пройдя и десяти шагов, она услышала за спиной ликующий девичий голос: «Ой! Девочки, вы только поглядите, что я нашла!» Мать с трудом удержалась от того, чтобы повернуться и поглядеть в глаза той, кого она только что обрекла на пожизненное страдание, но, вспомнив, что дома ее ждет Илза, лишь ускорила шаг. Вернувшись домой, она еще с порога увидела румянец на щеках дочери, ее улыбку и поняла, что той легче. Через месяц девочка совершенно поправилась, а оставшуюся сережку мать очень выгодно заложила в ломбарде. Предваряя вопрос о дальнейшей судьбе вдовы антиквара и ее исцелившейся дочери, я отвечу просто: не знаю. А раз не знаю, то это значит, что ничего интересного там нету, в этой истории. Так... Быт, семья, дети, муж зубной врач, счастливая бабушка, нянчащая внуков, – словом, всякая ерунда. Не стоит внимания. А вот судьба Алевтины – это отдельная история. Однако, – рассказчик взглянул на часы, – сейчас уже половина четвертого, нам пора назад, ведь мы всегда расстаемся там же, где и встречаемся, – это традиция.

– Да, да. Англия страна традиций, здесь их не принято нарушать. Но какой русский не жаждет проникнуть со своим уставом в чужой монастырь? Валяйте-ка конец, дружище.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Не хочется возвращаться к этому в следующий вторник, к тому же тогда будет моя очередь рассказывать историю, а я не намерен уступать вам свое законное время, ха-ха-ха.

– Ну, хорошо. Алевтина подняла сережку и не смогла с ней расстаться, хотя многие подружки советовали ей избавиться от находки. Говорили, что такое невесть откуда свалившееся богатство до добра не доведет, но женщина скорее принесет в жертву многое, чем расстанется с бриллиантом в два карата. Алевтина в этом отношении исключением не стала. Рассудив, что это божий промысел (ведь ей, бедной, и мечтать о таком камне не приходилось), она пошла к одному ювелиру, попросила его сделать кольцо, и он вставил камень из сережки в золотую оправу. С тех пор проклятый камень начал действовать. Не хочу вдаваться в подробности, скажу лишь, что прошло от того времени сорок лет, и вот теперь можно воочию убедиться, чего стоила для девушки ее находка. Спустя сорок лет эта самая Алевтина, которая потеряла собственное имя и стала именоваться Тиной, оказалась в Нью-Йорке, в квартирке с тараканами на Девяносто первой Вест. Квартирка принадлежала раньше семье ее мужа – выходца из Гватемалы, алкоголика, который нашел свой конец под колесами автомобиля прямо возле собственного дома. У нее было три неудачных беременности, все закончились выкидышами. Живет она, повторюсь, в доме для бедноты, так что рядом всякий сброд: желтые, черные, красные, источник дохода которых – социальное пособие и продажа марихуаны. Двенадцать лет назад она попала в автомобильную аварию, ей перебило ноги, с тех пор она поправилась по меньшей мере на центнер, и в ногах ее остались после операции железные штыри, которые никто не хочет удалять – это слишком дорого, а пособия на операцию не хватает. Доля эмигранта – жалкое существование в нищете при отсутствии здоровья и сколько-нибудь ясной перспективы в жизни. Каково? Превратиться из цветущей, полной надежд красавицы во всеми забытую колоду! Жить воспоминаниями о собственных потерях и несчастьях и лелеять мысль о том, что все это дано ей не просто так, а во имя «чего-то высшего». Жить и не знать, что все дело в проклятом бриллианте, который мирно покоится в коробочке на полке под русскими иконами. Вот это и есть настоящий кошмар. Неведение собственного рока! Поддавшись лишь раз искушению присвоить что-то чужое, пусть и поднятое с земли, человек обрек себя на жизнь, полную страданий и тоски. Весьма похоже на нас с вами, дорогой друг. Весьма. Лишь масштаб не тот, а так все сходится. Пожалуй, что это конец. Что-то я утратил страсть рассказчика, да и мы уже на месте, как видите. Честь имею, и – до вторника?

– Да, разумеется, – рассеянно ответил Любитель Сигар. Видно было, что история ему запомнилась и сейчас еще держит его память в своих руках. – Разумеется. А насчет нас с вами... Тут вы правы в чем-то. Только, как вы там сказали-то? Масштаб? Да. К счастью, хоть масштаб у нас не тот, и нам с вами отнюдь не приходится жить в доме, кишашем наркоторговцами и мексиканскими тараканами.

Он немного помедлил, видимо собираясь с мыслями, затем посмотрел на часы и сокрушенно покачал головой:

– У нас совсем не остается времени, а ведь у меня тоже была припасена история, хотя, быть может, и не такая всеобъемлюще мистическая. Я хотел рассказать о сыне одной актрисы, известном московском рестораторе.

– О рестораторе? О том, как он учился оценивать трюфели, что ли?

Любитель Сигар смущенно хохотнул в кулак:

– Н-нет. О том, как он влюбился в своего тренера.

– ???

– Ну да, – все более уверенно продолжал человек с сигарой. – В своего тренера, черт побери! В тренера из зала с тренажерами! И всякий раз, когда они разговаривали о чем-то, в конце разговора сердце этого ресторатора разрывалось на части, и он больше всего на свете хотел броситься своему тренеру на шею, поцеловать его...

– Меня сейчас стошнит.

– Вы нелояльны к гомосексуалистам? – быстро переспросил Любитель Сигар.

– Увы, – его собеседник развел руками, – хотя и понимаю, что гомосексуалисты безобидны. Скажем так, они безобиднее террористов или сторонников холодной войны. Я, представьте себе, даже где-то в Штатах, не то в Делаваре, не то в Мэриленде, видел дорожный указатель с надписью «Гей-стрит». Каково? Я называю гомосексуалистов сексуальными левшами. Вся эта хрупкость, декаданс, жеманство их жестов, любовь к припудриванию, а в особенности те быстрые, страстные взгляды, которые они бросают на остальных мужчин, ничего кроме отторжения во мне не вызывают. А что до меня, то я все же как-то больше расположен к женщинам. Вернее, что это я говорю такое! Только к женщинам я и расположен!

Он помедлил.

– Однако чем же у них все закончилось? Тренер что, сам не был геем?

– В том-то и дело, что нет. А закончилось все тем, что ресторатору надоело отсутствие взаимности, и он отрубил тренеру голову. Так бывает, знаете ли.

– О да, сексуальные левши вообще склонны к нарушению законов. А здесь такая резкая причина для нарушения – отсутствие взаимности.

– Ах уж эта взаимность, – вздохнул Любитель Сигар. – Все беды от нее, вернее, от ее отсутствия. Так вот, он отрубил голову своему тренеру, погрузил ее в банку со спиртом и поставил ту банку в сейф. И некоторое время доставал ее оттуда и произносил перед головой длинные страстные монологи. Иногда мастурбировал. Можно сказать с уверенностью, что в этой заспиртованной голове сосредоточился смысл его жизни! А потом произошла неприятность.

– С ним?

– Нет. С головой.

– Позвольте. Какая же неприятность может произойти с мертвой головой?

– А вот может. Голова испортилась.

– Как это?

Любитель Сигар пожал плечами:

– Черт ее знает. Видимо, неправильно забальзамировали. Одним словом, пришлось ее выбросить. А тот молодой ресторатор сошел с ума. Он сфотографировал голову, распечатал снимок на большом листе бумаги и повесил этот натюрморт в зале собственного ресторана. Одним словом, все открылось, молодого человека посадили в тюрьму для психов, и там ему с его наклонностями, говорят, пришлось несладко.

– Хорошая история. По ней можно снимать фильм. Полнометражный. Надо только обдумать кандидатуру режиссера, – первый собеседник потянулся за своими сигаретами, но внезапно словно передумал и топнул ногой: – Выходит, вы опять меня перещеголяли?! Да что же это такое!

Любитель Сигар хмыкнул:

– Ну, хоть в чем-то я оказался выше вас. Давайте прощаться, наконец. У меня через час деловая встреча в... – он как-то вымученно-испуганно оглянулся по сторонам, – не важно. Иногда мне кажется, что тут всюду аппаратура. Особенно после того, как выяснилось, сколько ее в мой дом всадили наши бывшие друзья. Вы, кстати, в курсе, что к нам едет ревизор?

– Как ревизор? Опять ревизор?

– Да. Из Москвы, следователь прокуратуры. Будет пытаться привезти с собой обратно наши с вами головы. Уверен, что он-то знает толк в бальзамировании. Не протухнем, как тот тренер.

– У меня кончились сигареты.

– Угостить вас?

– Нет, нет. Есть между нами принципиальное различие: я люблю затягиваться дымом, чего с вашими сигарами делать не рекомендуется, да и язык от них становится желтый. Зачем они вновь посылают кого-то? Неужели не понятно, что никто им тут не рад?

– Бешеная собака кусает до тех пор, пока у нее есть зубы.

- Или жизнь.
- У нее их несколько. До встречи.
- Увидимся. Бай.

Любитель Сигар

После того как Любитель Сигар перебрался в Лондон, прошло три с половиной года. За это время он немного освоился в этом непривычном и новом «левостороннем» мире и даже вполне сносно заговорил по-английски. Пытался заняться большим бизнесом, но быстро понял, что ничего по-настоящему интересного из этой затеи не получится. От компании, возглавляемой русским иммигрантом, шарахались, как черт от ладана, и ему пришлось прикрыть ту легальную часть бизнеса, которая должна была, по его разумению, сделать его вхожим в местное высшее общество. Таких, как он, здесь сторонились, справедливо считая (выражаясь корректным языком) «нечестными людьми с сомнительной репутацией». Тогда Любитель Сигар ожесточился и попытался создать себе положительный образ скучающего миллионера. Он купил два дома в Челси,⁶ замок под Инвернессом⁷ и завел конюшню из семи самых породистых спортивных автомобилей. Он нашел продажных репортеров, которые, с жадностью вырывая из его рук банковские чеки, неохотно писали статьи на тему «новое лицо русской иммиграции», сравнивая Любителя Сигар с Буниным и Бродским. Но в то же самое время другие репортеры, те, которым не досталось подписанных чеков – а таковых было большинство, – с азартной яростью публиковали статьи с похожими заголовками, но совершенно иным содержанием. В них они сравнивали Любителя Сигар с беглыми президентами банановых республик и непрозрачно намекали на «русскую мафию». И чем больше чеков было подписано, тем большим был обратный эффект. Любителя Сигар стали узнавать на улицах и показывать на него пальцами, говоря при этом всякие неприятные вещи. Тогда он послал продажных репортеров подальше, вместо спортивных авто начал ездить в бронированном «Роллс-Ройсе» со шторками на стеклах и вовсе перестал посещать светские мероприятия, где его встречали фальшивыми улыбками с примесью откровенного пренебрежения, а провожали колкостями, брошенными в спину. Вместо этого Любитель Сигар вложил свои сбережения в венесуэльские нефтяные поля и, благодаря протекции доктора⁸ Чавеса, встретился с колумбийскими партизанами. Вскоре Лондон, а затем и всю Англию наводнил «препарат R» – «шипучка» мгновенного действия. Очень удобная и современная штука, по внешнему виду напоминает спрей от кашля. Достаточно одного впрыскивания в рот – и на слизистую оболочку попадает смесь концентрированного раствора коки и вспомогательного вещества, благодаря которому препарат мгновенно всасывается в кровь. За короткое время «R» стал модным аксессуаром и поселился в дамских сумочках, солидных портфелях, да и просто в карманах клубных завсегдатаев, а недовольные конкуренты предпринимали немислимые усилия по поиску и устранению неведь откуда взявшегося противника, враз перетянувшего на себя одеяло под названием «прибыль от трафика».

Любитель Сигар был чрезвычайно умным человеком и самым прекрасным образом догадывался, что рано или поздно его имя станет известно тем, кто без раздумий и пошлости вроде угрызений совести заберет его жизнь и сделает это громко, при свидетелях. То будет не просто тихое убийство, совершенное наемником в безлюдном месте, а публичная казнь, устроенная таким образом, что от Любителя Сигар не останется ничего превышающего размером атомную частицу. Раньше, лет пятнадцать назад, он сам проделывал подобные штуки. По его приказу ловкие и незаметные тени укрепляли бомбы на днищах автомашин, и часто Москва, Омск, Новосибирск, Саратов просыпались под грохот канонады, звуки которой означали, что отправился на небеса очередной незадачливый бедолага, не успевший в свою очередь сделать то же самое с подожившим бомбу под его автомобиль. Однажды, впрочем, кое-кто попробовал

⁶ Один из наиболее фешенебельных районов Лондона.

⁷ Город в Шотландии.

⁸ Вежливое обращение в странах Латинской Америки.

свести с Любителем Сигар счеты, но затея должным успехом не увенчалась. В то время бронированные автомобили в России лишь входили в моду, но самые проникательные поспешили обзавестись подобным транспортом, заказав его в Европе.

Любителя Сигар возила надежная машина, ей не страшно было прямое попадание гранатометного выстрела.

И вот однажды, когда он сосредоточенно покуривал на заднем сиденье, обдумывая нечто очень важное, его автомобиль забросали гранатами какие-то похожие на пылких абреков люди, а затем еще и прошлись по нему десятком автоматных очередей. Именно после этого случая Любитель Сигар стал без сожаления относиться к деньгам: машина стоимостью с жилой многоэтажный дом была уничтожена, но ее хозяин все так же продолжал сидеть на заднем сиденье с сигарой во рту: одежда изодрана в клочья, лицо покрылось копотью, но он был жив, и спасли его двадцать миллиметров чешской брони.

Счастливо пережив покушение, Любитель Сигар сделал все необходимое, для того чтобы пылкие абреки не становились более на его пути, и в том преуспел. Он спокойно прожил несколько лет, занимаясь своими делами, и всегда был готов, по его собственному выражению, «взять билет в один конец». Очутившись в Лондоне и обустроив себе привычный, помосковски комфортный быт, успокоившись после осознания того, что ему никогда не стать премьер-министром, лордом-пэром или кем-то в этом роде, Любитель Сигар стал поставлять в Великобританию нефть и наркотики и вскоре разделался со всеми, кто жаждал его крови. Он обхитрил своих охотников так же, как делает это мудрый амурский тигр. Охотник думает, что идет по следу тигра, а тигр крадется сзади и в удобный момент впивается когтями в шею охотника, не оставляя тому шансов завладеть его красивой полосатой шкурой.

* * *

Джереми Пратт, контролировавший весь трафик Ист-Энда,⁹ был уверен в собственной безопасности настолько, что не избегал появляться в публичных местах и часто назначал деловые встречи в ресторанах. Пратт был вегетарианцем, что несколько не вязалось с его основной профессией гангстера-наркоторговца, поэтому часто посещал один из лучших индийских ресторанов на улице Бани в Оунслоу. В тот день он, как обычно, зашел в «Мантру» пообедать и обсудить кое-что с Пакистанцем Муче – своим логистом, человеком, ответственным за все крупные перевозки товара. Пакистанец запаздывал и не отвечал на телефонные звонки, но такое случалось и раньше, поэтому повода для беспокойства не было. Пратт отчасти был даже благодарен Пакистанцу Муче за его опоздание, предвкушая, как в одиночестве насладится превосходным пилта – коронным блюдом поваров «Мантры». Пратт-Завсегда-знал в лицо всех официантов и мгновенно отреагировал на появление новичка, который без особенной сноровки и показного усердия принялся обслуживать его. Именно этот факт сперва удивил, а затем насторожил Пратта. Он привык, что в «Мантре» к нему относились с показным уважением, и принимал это как нечто само собой разумеющееся, а здесь смуглый парень-индеец с каменным неприветливым лицом и движениями механической куклы с несмазанными шестернями небрежно расставлял перед ним посуду, раскладывал приборы. Пратт возмутился, а так как он не был джентльменом, то довольно грубо рявкнул:

– Эй ты, чертова кукла! Ты что, под кайфом, что ли?

Официант кинул на Пратта быстрый взгляд, совершенно не вязавшийся с его заторможенностью, и ничего не ответил. Это по-настоящему взбесило Пратта, тем более что посетители ресторана с любопытством наблюдали за происходящим и симпатии их явно были не на стороне грубоватого и нахального гангстера с замашками нувориша.

⁹ Название района в Лондоне.

– Ты, кусок дерьма! Я к тебе обращаюсь, вонючка! Гребаный панк, мать твою! Отвечай, когда я с тобой разговариваю, а то я ложкой вытащу тебе глаз и заставлю его сожрать!

Официант, видимо, только сейчас понял, что за опасность ему угрожает. Он кинулся Пратту в ноги и запричитал что-то на плохом английском, коверкая слова. Разобрать его речь было задачей не из легких, поэтому Пратт невольно наклонился, пытаясь расслышать, о чем там бормочет этот чертов индеец. И вот когда мясисто-красное лицо Пратта с налитыми кровью глазами вплотную приблизилось к затылку коленапреклоненного паренька, тот внезапно поднял голову и оказался с Праттом, что называется, нос к носу. Вместо испуга и покорности Пратт увидел на лице официанта наглую улыбочку, и это на мгновение лишило его дара речи. Этого мгновения официанту хватило, чтобы воткнуть в глаз Джереми Пратта стальную двузубую вилку, нанеся точный удар снизу вверх.

Пакистанец Муче опоздал в тот раз не просто так. Причина была более чем уважительна. Пакистанец Муче умер в госпитале, куда его доставили после внезапно открывшегося внутреннего кровотечения. Кровотечение, в свою очередь, было вызвано пулей, выпущенной из неизвестного оружия с большого расстояния в тот момент, когда Пакистанец Муче выходил из британо-исламского центра, и угодившей ему в живот.

В течение недели все особенно рьяные недруги Любителя Сигар пали от руки его людей, а те, что остались, предпочли более не обращать внимания на бизнес владельца «препарата R». Однако Любитель Сигар привык все в своей жизни обязательно доводить до конца. Поэтому он взял в заложники одного из гангстеров и заставил того оповестить всех о тайной сходке. Прибегнув к хитрости, он смог собрать всех крупных нарковоротил на одном из заброшенных заводов в Восточном Далвиче, где и появился перед этими сливками общества в маске и выступил с речью, в которой пообещал отправить вслед за Джереми Праттом, Пакистанцем Муче и иже с ними каждого, кто решит «качать права», а также заподозрит его в дешевых трюках, явно намекая при этом на свою маску, больше похожую на маску средневекового палача из сочинений Эдгара По. Желающих не нашлось. Так Любитель Сигар остался при своих и вполне мог бы, воспользовавшись ситуацией, встать во главе всего британского наркотрафика, но он поступил иначе...

* * *

Несмотря на то что завод некоторое время был заброшен и не функционировал, он не подвергся никакому частичному сносу, разрушению или разграблению, как это зачастую бывает, например, в России. У прежних владельцев просто не было денег для демонтажа оборудования, и они лишь обесточили предприятие, которое в середине шестидесятых выпускало пестициды для сельского хозяйства, а затем после экологической революции химические удобрения стали не нужны, и завод обанкротился. Всю продукцию вывезли в безопасное место, переработали, но владельцы не стали рассказывать инспекции, что при производстве использовали запрещенный в этих случаях хлорный раствор, пары которого смертельно опасны. Поэтому ни один грамм этого вещества, хранящегося в баллонах под землей, не покинул территорию предприятия, и сорок лет несколько тонн растворенного в кислоте хлора разлагались на положенные элементы, выделяя газ, схожий по действию с химическим оружием времен печально известных немецких атак Первой мировой. Шло время, баллоны ржавели, достаточно было легкого толчка, чтобы произошло непоправимое.

Любитель Сигар стоял на возвышении, и кабы не его маска, то, глядя со стороны, можно было подумать, что пастырь произносит проповедь перед паствой, внимающей ему с благоговением.

– Я приехал издалека и показал вам, как нужно работать. Я дал людям то, чего вы все не смогли дать им по причине своей разобщенности, алчности и скудоумия. Времена меняются,

технический прогресс стал привычным явлением, время ценится на вес золота, а вы все еще предлагаете людям тратить лишние часы на отключку после затяжек и уколов. Вы считаете, что классикой до сих пор является старая добрая белая линия на стекле.¹⁰ Я доказал всем вам, что пришло новое время, время «R»! Доза, которая выделяется при одном нажатии на поршень, является поддерживающей. Она слишком мала для того, чтобы человек провалился в параллельный мир и на длительное время перестал быть полезным членом общества. Наоборот, препарат держит в постоянном тонусе, становится нужным, жизненно необходимым. Он словно кофе для того, кто привык пить его постоянно. Я расширил группу потребления, открыл новый рынок сбыта, я сказал новое слово в наркоиндустрии! Я позвал вас для того, чтобы вы осознали мое величие и поняли, что пришла пора объединиться. Я предлагаю всем вам стать дилерами моего товара. Тому, кто поспешит согласиться, я первому обещаю эксклюзивные условия; тем же, кто медлит и думает, что я ошибаюсь, я не обещаю ничего хорошего.

Слушавшие его гангстеры не на шутку разволновались. Они задирали головы, разглядывая этого «ненормального в маске», силились угадать по его акценту национальность. На некоторое время общество торговцев пороком превратилось в подобие зала лондонской биржи. Любитель Сигар несколько минут смотрел вниз, но очень скоро ему все это надоело, и он продолжил:

– Джентльмены, то, чем вы сейчас занимаетесь, похоже на дешевенький спектакль под названием «Нам некуда деваться, но мы тут погалдим». Вас волнует, как бы не уронить свой статус в глазах друг друга. Но я предвижу, что рано или поздно найдется среди вас тот, кто первым поднимет руку и примет мои условия, а затем вы все с облегчением согласитесь на них. Позвольте мне сказать, что будет дальше. Покинув это славное местечко, вы немедленно начнете думать, как бы вам поскорее избавиться от меня и от моего проклятого препарата. Так вот что я вам скажу, гнусные ублюдки...

Любитель Сигар вдруг перешел со спокойного тона на резкий, пронзительный фальцет, и это произошло настолько неожиданно, что внизу, среди гангстерской «паствы», враз установилась недоуменная тишина.

– ...Я решил уравнивать ваш статус, о котором все вы так печетесь, и сделать всех вас едиными перед лицом Господа нашего! Вы все великие грешники, и, дабы всемилостивый Господь согласился на мое предложение, всем вам придется пройти обряд покаяния!

С этими словами Любитель Сигар натянул резиновые перчатки, широко развел руки, поднял глаза к бетонным потолочным перекрытиям цеха и громко воскликнул:

– Ба-бах!

Тут же и приключился этот самый «ба-бах». В подземном хранилище хлора произошло несколько взрывов. Они разрушили проржавевшие баллоны и проломили пол под ногами гангстеров. Непослушная паства Любителя Сигар с ужасными криками падала с высоты нескольких метров в густое хлорное облако, где, корчась от химических ожогов, спустя секунды умирала в страшных мучениях. Сам же Любитель Сигар стоял на своем «капитанском мостике». Он так и не снял маски, которая на самом деле была частью костюма, специально предназначенного для защиты от химических веществ. Раскинув руки в больших перчатках, придававших его фигуре сходство с жабой, вставшей на задние лапы, Любитель Сигар декламировал стихи «Дай, Джим, на счастье лапу мне», и по лицу его текли слезы. Он любил пронзительную лирику Есенина...

* * *

– Он был Нероном, спалившим Рим!

¹⁰ Кокаиновая дорожка.

Их ботинки мягко ступали по элементам ковра, созданного художником Листопадом за прошедшую ветреную ночь. В идеально чистой матовой обувной поверхности угадывалось отражение хмурого английского дня. Вновь наступил вторник, и двое курильщиков встретились, как и всегда, для своей прогулки в знаменитом парке. Лондон выпускал калейдоскоп благоуханий. Центральные улицы пахли очищенным дизелем и парфюмом «унисекс», боковые улочки – пудингом и выделанной кожей, этническими магазинами, торфяным виски и элем, неприбранными постелями. Вокзалы и рынки пахли людской озабоченностью, а деловой район Сити – интригой, банкнотами и раскаленными внутренностями компьютеров. В серых улицах окраин жил запах пабов, настоящий на сигаретном дыму вперемешку со сладковатым ароматом марихуаны и алкогольного перегара, из открытых окон домов доносился аромат жареных бобов, овсянки и рыбы с картошкой.

– Вам не кажется, что читать Есенина в такой ситуации – это немыслимая дикость, кощунство и надругательство над всем самым светлым, что осталось еще от русской поэзии? Это вообще квинтэссенция всего рассказа, который сам по себе сколь ужасен, столь же и комичен. Я представил себе какого-то Бэтмена из комиксов или Супермена. Не вяжется как-то Бэтмен с Есениным, чушь какая-то. Невозможно себе представить, что такое могло бы где-нибудь произойти на самом деле! – собеседник Любителя Сигар был потрепан событиями недели, прошедшей с момента их последней встречи, и оттого хмур и консервативен.

– Ничуть! Мне кажется это контрастом, подчеркивающим зрелищную чудовищность происходящего. Спокойные, теплые стихи, посвященные любви к собаке и женщине, и ад, развернувшийся под ногами тех, кто прислуживал ему в земной жизни. Это красиво.

– Нет, – собеседник упрямо дернул головой, – никто не поймет. Слишком уж это русское, наше, исконное, чтобы его поняли все эти англосаксы, лягушатники и пожиратели гамбургеров из Нового Света.

– Ну, во-первых, – Любитель Сигар усмехнулся, – до того, как перед ними встанет задача что-то такое понять, должно произойти еще очень многое, а во-вторых... Во-вторых, переводчик постарается, сделает литературно-пронзительную копию, и я вас уверяю, что все поймут. Раз уж понимают Достоевского, причем те же самые «гамбургеры», то...

– Да чушь собачья! Кто там понимает Достоевского?! Журналисты нашли по одному умалищенному филологу из Гарварда, Оксфорда и Сорбонны, которым и впрямь понравился Достоевский, и совместными усилиями родили миф о миллионах поклонников братьев Карамзовых и князька Мышкина.

Любитель Сигар очень внимательно посмотрел на своего собеседника и спросил:

– С вами произошло что-то очень серьезное? Это из-за того самого ревизора? Кстати, расскажите, мне любопытно.

– Еще не произошло, но может произойти, – собеседник прикурил от закончившейся сигареты новую. – Этот московский гость приехал за моей головой. Понимаете? Исключительно и только за моей, больше его ничего не интересует! Именно так он мне и заявил во время нашей встречи.

Брови Любителя Сигар поползли вверх и остановились почти у корней волос.

– Вы согласились с ним встретиться?

– Какое там... Официально вызвал Скотланд-Ярд, а такие вызовы не принято игнорировать. Ничего не объяснили заранее, а когда я увидел это, простите за фигуру речи, мурло из Генпрокуратуры, то было поздно поворачивать оглобли. Беседа велась в присутствии наблюдателя от полиции и моего адвоката-англичанина, но все равно это до боли напомнило допрос в камере где-нибудь под Воркутой.

– Доводилось бывать? – оживился Любитель Сигар.

– Бог миловал, – собеседник пожегся. – Бывать не бывал, но это один из моих ночных кошмаров. Вот интересно, даже здесь в сновидениях, этой материи непознанного, и то есть

преемственность и очередность. Один навязчивый кошмар сменил другой. В детстве мне часто снилось, что я выпал из окна и лечу к земле, с ужасом ожидая столкновения. А потом вот этот допрос начал сниться...

– Чем все закончилось?

– Как видите, ничем, – собеседник, курящий сигареты, делано рассмеялся, – ведь я перед вами. Адвокат не зря получает свои деньги. Когда ему не нравился вопрос, он заявлял протест. Всего этих протестов было, кажется, столько же, сколько вопросов московского визитера, так что тому приходилось постоянно менять формулировки, а это кого хочешь собьет с толку.

– Сбило?

Курильщик сигарет махнул рукой:

– Куда он денется. Всегда плохо быть в меньшинстве, вот он и проиграл. У него так и не получилось хоть что-то узнать. А в самом конце я унизил его и даже, кажется, перегнул палку.

– Что же вы сказали? Или... сделали?

– Намекаете, что я на радостях мог бы снять штаны и показать ему задницу? Да нет, до этого, разумеется, не дошло. Я просто сказал, что, по моему разумению, все в высшей степени приличные люди обитают только в Лондоне. Немцы со своей туповатой прямолинейностью, французские фамилии с частичкой «де», смешавшие свою кровь крестоносцев с кровью еврейских банкиров, народившийся новый русский, дикий и безграмотный, пропахший водкой и порохом былых разборок истеблишмент – все это варвары. В том числе и он, милейший следователь Генпрокуратуры. Говоря это, я хотел спровоцировать его, вызвать неконтролируемую ярость с его стороны. Я так ненавидел этого мерзавца (ведь у меня были на то причины, не так ли?), что унизил его прямо там, перед своим английским адвокатом и представителем полиции. Я сказал, что лишь англичанин, меланхоличный, замкнутый, равнодушно-гордый, в своем замке в сумерках сидящий на том же самом месте и в том же самом кресле у очага, в котором до него столетиями сидели его предки, – лишь такой человек по праву, недоступному пониманию толпы, и есть истинный патриций, хозяин мира, что бы они там ни кричали со своих плебейских трибун о возвышении и возрождении России.

– Какая мерзость, – задумчиво произнес Любитель Сигар. – Уверен, что на лице вашего адвоката пусть не застыло, но точно мелькнуло презрение. Предателей не любит даже тот, кто платит им за предательство, но ход верный. Я даже боюсь предположить, что было дальше.

– Он бросился на меня! Я разделяю полностью все ваши слова насчет предательства и спешу вас заверить, что на самом деле я так никогда не думал. Но провокация удалась. Он не сдержался. Для него мой наглый пассаж стал последней каплей. Он кинулся на меня с кулаками, и в результате я из кандидата на получение политического убежища в мгновение ока стал гражданином. А нервный следователь Генпрокуратуры сейчас изолирован в русском посольстве и ожидает депортации. Каково?!

– Лихо. От меня-то они вроде как давным-давно отвязались. Российских активов в прямом управлении у меня не осталось, а те, что есть, – это мелочь по сравнению с тем, что у меня здесь. Поздравляю с гражданством, отрадная новость. Надо бы ее того... по русскому обычаю обмыть. Вы не против?

– Да я и сам хотел предложить. Тем более, сегодня прохладно для прогулки, а у меня есть новая история.

* * *

В «Гордон Рамзай» на Брук-стрит они облюбовали угловой столик и спросили коньяку. Под коньяк закусывали бараньей ногой и хемпширским пудингом. Ели много, по-русски, пили тоже немало, настроение обоих поднималось и вскоре достигло того духовного максимума, при котором широкая русская душа становится обычно безгранично доверчива и жаждет откровен-

ности и понимания. И, несмотря на всю серьезность этих людей, один из которых был откровенным бандитом, а второй хоть и не был связан сейчас с криминалом столь явным образом, но в биографии его сплошь и рядом имелись эпизоды, по которым не то что в Воркуту, на электрический стул посадить будет недостаточной мерой, – оба выглядели сейчас милейшими симпатиями. Их странное увлечение при некотором размышлении не должно казаться таковым: духовность, эта национальная черта русских людей, до чрезвычайности обостряется именно в эмиграции и зачастую обретает формы невысказанные! Истоки творчества всегда таинственны, и даже их обладатель зачастую не в силах ответить на вопрос, откуда что берется. Порой бывает так, что образы, созданные художником... Впрочем, не все сразу.

– Выкладывайте вашу историю, – сказал Любитель Сигар начинающим заплетаться языком. – И пропади все пропадом, если она по содержанию окажется неподходящей к этой изумительной баранине и испортит коньячное послевкусие. Я расстроюсь!

Негры, деньги, женщина

– Ссышь, когда страшно? – Семен еще раз по-ковбойски крутанул пустой барабан револьвера и несколько раз шелкнул курком. – Только не напусти мне на полу, у меня пол паркетный, а паркет, он влаги боится.

Я молча опустил на стул. Хоть мочевой пузырь и не подвел, но вот ноги перестали слушаться:

– Убери пистолет, придурок. Тебя мама в детстве не учила, что на людей нельзя направлять оружие?

Семен был явно доволен эффектом, по лицу его блуждала готовая расцвести махровым цветом улыбочка.

– Нет, ну надо же, а! Оказывается, ты обыкновенный человек!

– А то?

– А то я думал, ты просто чурка бессердечная с железными яйцами. Ладно, – он перешел на миролюбивый тон, – не купись. Какие меж друзьями обиды?

– Да я на тебя не обижаюсь, Сень. Я тебя напряг, ты разрядился. Хорошо, что не в буквальном смысле, – я покосился на «Таурус». – Ты все же убери свою железяку, а то я начинаю думать, что ты испытываешь мое терпение.

Семен послушно кивнул и вернул револьвер в ящик стола:

– Как тебе мой подарочек?

– Вроде бы то, что нужно. Мне главное, чтобы в нужный момент никто не принял его за сделанный в России.

Кистенбаум презрительно надул губы.

– Ты принимаешь меня за поца? У меня товар всегда высшего качества, что тебе бриллианты, что тебе полоний, негу разницы. Ты просил с маркировкой, таки вот она.

Я взглянул на футляр:

– Расскажи поподробнее, как ты его достал. Я не стану объяснять, зачем мне это, но раз спрашиваю, значит, нужно.

Семен жестом попросил сигарету, она оказалась в пачке последней.

– Последнюю и вор не берет, но еврей, ты знаешь, – Семен вздохнул, – возьмет. А достать то, что ты просил, оказалось несложно. А скоро, видимо, станет совсем просто.

Я удивился:

– Совсем просто? Что ты хочешь этим сказать?

– А ты видел, кто станет президентом? Черный! А черные – это бич Америки, ее проклятье. Знаешь, что мне рассказал тот парень, который достал эту штуку? Правда, парнем-то его назвать язык не поворачивается, ему больше подходит прозвище Капитан-Америка-на-пенсии или какой-нибудь Солдат Удачи. Тертый мужик, с ним интересно было поговорить. Так вот, давным-давно он был офицером в восемьдесят шестом десантном полку, полк стоял в Северной Каролине. Когда в шестьдесят восьмом в Мемфисе смертельно ранили Мартина Лютера Кинга, в Вашингтоне вспыхнуло восстание. Черные выползли из своих трущоб и устроили резню, стрельбу, в общем, настоящую революцию. И вот его полк погрузили в самолеты, не объясняя, куда именно они следуют, и лишь при полете к Вашингтону, когда они увидели, что над городом стелется черный дым, им разъяснили задачу: «Восстановить законность и порядок на улицах». Тогда этот парень понял, что только от него зависит – случится ли непоправимое, станут ли его солдаты стрелять в гражданское население или нет. Он отобрал у них патроны, а мне потом объяснил: «Я был молод, а мои солдаты еще моложе. Они могли испугаться, начать палить во все, что движется. Когда у тебя в руках автоматическое оружие, то очень хочется пустить его в ход».

– Это факт, – задумчиво сказал я, вспомнив пару похожих эпизодов из собственной жизни.

– И вот идут они по какой-то там улице на окраине, там, где обычно селится всякий протестный электорат, лодыри и оборванцы, и вдруг по ним открывают огонь. Парень видит, что стрельба ведется из жилого дома, с восьмого этажа. Все занимают позицию, а он просит себе матюгальник и орет в него: «Панки, это не сраный полицейский наряд или национальные гвардейцы. С вами говорит такой-то и такой-то офицер из восьмидесят шестого регулярного десантного полка американской армии. Если вы сейчас же не прекратите палить, я дам команду, и ваш дом сровняют с землей, а вас и в аду со свечкой никто не найдет». Стрельба тут же прекратилась, а на третий день восстания к солдатам стали подходить девушки с целью завязать отношения для создания крепкой американской семьи или как минимум быстрого и яркого секса. И вот тогда, в шестьдесят восьмом году, Капитан Америка понял, что дальше ничего не будет. Все успокоится. Если девушки хотят заниматься с солдатами постельным рестлингом, то мир не за горами. Все и успокоилось. «А сейчас, – сказал он, – когда эти идиоты выберут президентом Обаму, тут-то всем и придет крышка». Как говорится, каркали-каркали, мол, «скоро Америку постигнет катастрофа», вот и накаркали.

Мне стало совсем интересно. Так интересно, что я забыл даже о негодяйской выходке Семена:

– Ну! Так что будет?

– «Обаму застрелят, – так сказал Капитан. – Причем постараются сделать это еще до президентских выборов». Одно дело, когда убивают кандидата в президенты, и совершенно другое, когда шлепают президента. Хотя в случае с Кеннеди все получилось. Застрелили и его, уже президента, и его брата, сенатора и кандидата в президенты. Стоило Кеннеди-старшему заикнуться о правах черных и отмене сегрегации,¹¹ как его тут же убрали. «И не надо, – сказал этот ветеран-всезнайка, – искать в убийстве обоих Кеннеди руку Москвы или что-то вроде этого. Всегда найдется быдло, реднек,¹² который купит в магазине карабин с оптическим прицелом или многозарядную сорокапятку, подойдет к Обаме поближе и снесет ему полчерепа. И вот тогда-то начнется такое, что значительно страшнее, чем изменение климата, нашествие динозавров и все то дерьмо, которым пугает обывателей Голливуд. Произойдет черная революция, и Америка превратится во вторую ЮАР. Я уже стар, но мне противно от того, во что превратилась моя страна с таким пониманием политкорректности. Черные – они другие. Я поэтому даже не спрашиваю, для чего тебе – мне, то есть, – пояснил Семен, – зачем тебе полоний. Может, ты траванешь им Обаму или твои друзья? Революция всегда начинается с евреев». Вот что он сказал, – не без гордости закончил Семен.

– Чем же занимается этот старичок на пенсии, если смог достать такое? – не выдержал я.

– Я думаю, – Семен перешел на шепот, а лицо его выразило испуг, – что он посредник.

– Кто же «первые руки»?

– Витя.

– Бут?

– Да заткнись ты! – Семен побледнел. – Кто Витю помянет, в живых не будет. Он из-под земли достанет.

– Клал я на него, – я щелкнул пальцами на испанский манер. Получился сухой резкий звук кастаньеты. – Я с Витей знаком не хуже, чем с тобой, я, может, с ним спирт пил, с Витей-то. Витя никто, чтоб ты знал. Он просто наемный менеджер, кто-то вроде разъездного коммивояжера. У него контракты с нашим «Росвооружением», «Локхид-Мартин», израильским

¹¹ Узаконенное ранее разделение граждан США по цвету кожи. Впоследствии сегрегация была отменена, но по умолчанию сохраняется по сию пору.

¹² Redneck (букв. «красношей») – белый американец без образования, как правило, шовинист и зачастую член ку-клукс-клана.

«Галалом», австрийским «Глоком» и еще с тьмой производителей, которые не могут официально продавать свой товар некоторым, скажем так, странам и категориям населения. И всем им нужен Витя. Он оперирует чужим товаром и чужими деньгами, а расплачиваются с ним всегда после сделки, то есть деньги от продажи оружия он сперва заносит на базу, а потом получает свои посреднические. Классические отношения работодатель – наемник, поэтому даже если какой-нибудь безголовый журналюга или писатель утратит инстинкт самосохранения и вздумает написать про Витю Бута правду, этого бумагомараку никто не издаст, а если издаст, то его больше нигде никогда не найдут. Жаль, я не знал, что «Локхид» делает такую прелесть. Я думал, «Першинги», «Стелсы», «Томагавки», то есть что-то такое крупное, а у них, оказывается, есть радиоактивные проекты. Ведь штуковина-то, кажется, серийная?

Семен умоляюще сложил руки на груди:

– Дорогой мой, я ничего этого не хочу слушать, и знать я тоже ничего больше не хочу. Ты продолжаешь играть в свои игры – я лишь скромный владелец лавочки. Ты попросил – я достал. И все, и ладно: свиделись и разбежались.

– Да иду я, иду... Я и впрямь что-то заболтался. Неожиданно прорезавшаяся болтливость – первый признак старости, Сеня, как ни крути. Ну...

– Прощай! – со значением в голосе выпалил Семен, и я видел, как помрачнело его лицо, когда я поставил перед ним сумку, чиркнул zipperом и вывалил содержимое прямо на пол: пачки ценных бумаг, много пачек. Я таскал с собой по Нью-Йорку капитал, нескромный даже для Манхэттена.

– Что это? – Семен маскаратно прищурился. Это был его фирменный «близорукий» прищур.

– Это? Это плата за товар.

– Но мы ни о чем таком вроде не договаривались, – Семен, не отрываясь, смотрел на пол, усеянный разноцветными пачками акций. На каждой акции в одной из верхних пачек был проставлен ее номинал: один миллион долларов.

– Семен, мне не нужно, чтобы кто-то, кто помог тебе достать полоний, мог узнать, для чего именно он мне понадобился. Во всяком случае, пусть это остается секретом какое-то нужное мне время. Потом-то скрывать не будет никакой надобности, скорее наоборот. Так что передай это сам знаешь кому. Не стану произносить его имени, раз уж ты так его боишься.

– А что это? Ведь это не деньги?

– А ты хочешь, чтобы я таскал с собой несколько килограммов наличности? Это акции Уоррена Баффета.¹³ Каждая номиналом в миллион. Я не ошибся с суммой?

– Да нет... Даже много.

– Я хочу, чтобы ты взял себе пяток. Ремонт сделаешь в магазине, купишь пару конкурентов-соседей, то да се. Лишними ведь не будут?

– Будь ты проклят, – надрывным, со стоявшими в нем слезами голосом ответил Семен. – Ведь я думал, что вы от меня отвяжетесь.

Я уже стоял в дверях, но повернулся и с сожалением пожал плечами:

– Кто из нас волен распоряжаться своим словом? Никогда не спеши говорить «прощай». Мне.

* * *

У меня бывают провалы в памяти. Я сумасшедший? Может быть... Во всяком случае, порой забавно становится ощущать, как меняется мир вокруг меня. Мозг начисто стирает эпизоды промежуточных событий, я не помню, как шел по улице, но в голове останется запись,

¹³ Один из самых известных инвесторов, входящий в верхние строчки списка богатейших людей мира.

если в это время произойдет хоть что-то более значимое, чем просто прогулка. Я знаю, что в психиатрии мой случай изучен, – это заболевание, один из видов сумасшествия. Я знаю. Вернее, я знал, но... забыл, как это называется.

Сегодняшняя встреча с Семеном, разумеется, запомнится, и это будет вторым по счету ярким отрывком моей новой, совсем еще крохотной жизни. Жизни, которая началась после того, как открылась дверь камеры и меня извлекли на свет, предварительно критически осмотрев и посоветовав как следует помыться, побриться и вообще привести себя, что называется, «в порядок».

Я угодил в тюрьму после бегства Оли. Она не просто ушла от меня, как уходят обычно: сцена, хлопанье дверью... Нет. Она именно сбежала, и ничто не предвещало такого ее поступка. Утром, а она всегда просыпалась очень рано, за ней приехал автомобиль. «Я жаворонок, доживу до ста лет назло всяким гадам», – эту ритуальную поговорку она произнесла и тогда, в наш последний день. Мне никуда не нужно было ехать, я догуливал отпуск, оставалось еще три дня, и я, вернувшийся из южных широт, приходил в себя после смены часовых поясов. Получалось плохо, оставался один способ: напиться до беспамятства, тогда организм сам переведет часы в нужное ему положение. Я сонно улыбнулся Оле, и тогда мне показалось, что она посмотрела на меня не так, как обычно, а со странной смесью испуга, любопытства и какого-то непонятного торжества. Когда долго живешь с одним и тем же человеком и вам все еще есть чем заняться по ночам, то без труда можно научиться вот так вот «послойно» считать его взгляд. Будь мой мозг на острие восприятия, я, возможно, дернул бы жену за рукав и потребовал от нее объяснений или, во всяком случае, спросил: «Почему ты ТАК смотришь? Со мной что-то не в порядке?» Но я ужасно хотел спать, тело ломало, и мне желалось, чтобы она как можно скорее уехала в свой банк, куда угодно, лишь бы я остался один. Я вышел на балкон и успел увидеть, как машина выезжает с проселка на асфальтовую дорогу. Помахал ей, на мгновение вернулся в дом – лишь для того, чтобы достать из шкафа бутылку купленного в магазинчике аэропорта виски. Как и у всякого пьющего человека, в моем доме никогда не было бара, мы просто покупали спиртное в количестве, достаточном для одного-двух застолий, и все. На моей работе спиртное возведено в ранг члена коллектива, в генеральское звание. Пьют у нас много, и я вообще думаю, что к нам подсознательно идут люди с железобетонной печенью: коллектив преимущественно мужской, и в каждом кабинете найдется водка или коньяк – это составная, пополняемая часть инвентарно-казенного интерьера.

С бутылкой и надетым на ее горлышко стаканом я вернулся на балкон, устроился поуютней, налил полстакана и залпом выпил. Бутылка была объемной, августовское солнце медленно поднималось над Истринским водохранилищем, и я смотрел на его ярко-алый диск, с наслаждением вдыхая запах, шедший от спокойной воды, идеальную зеркальность которой еще не нарушили серферы и любители ревуших водных мотоциклов. Как ни странно, за все годы, что я жил здесь, мне удалось застать эту картину всего лишь в третий раз, и сейчас я наслаждался своим алкогольным одиночеством и обостренным после виски восприятием окружающего. Я провел на балконе бог знает сколько часов, отвлекаясь по естественным делам и совершая короткие набег на холодильник. Кипевший от виски мозг лишь раз обожгла удивленным холодком мысль: «А почему молчит телефон?» Но расслабленная беззаботность тут же нагрела эту мысль до нужного градуса, превратив ее в успокоительную: «Я же в отпуске, вот и не хотят беспокоить». Если бы это было правдой хоть на один процент! После очередного возвращения на балкон я увидел, как на проселок свернули сразу четыре больших автомобиля, внешний вид которых запросто мог свидетельствовать в пользу их принадлежности моей организации. И если утренней природой за последние пятнадцать лет мне удавалось полюбоваться с родного балкона крайне редко, то такие вот представительные визиты были для меня делом привычным, и поэтому я совершенно не удивился этим четырем черным машинам, вернее, почти не удивился. Меня слегка озадачило присутствие среди них микроавтобуса – с виду ничего осо-

бенного, а изнутри автозак, бронированная тюремная камера вип-класса. Кто только не становился пассажиром этого автобуса! Если бы он мог говорить и имел на это право, то рассказал бы столько, что точно хватит на сюжеты для нескольких романов в стиле «фикшн» карманного формата. Такие читают в электричках.

«Какого черта они приперлись без звонка! Куда я сейчас поеду в таком виде?!» Я посмотрел в зеркало, увидел красную, как утренний солнечный диск, собственную физиономию, еще раз в сердцах плюнул и пошел встречать не дорогих, но ожидаемых гостей.

Оказалось, что никто из моих посетителей и не надеялся на гостеприимство с моей стороны, поэтому я столкнулся с одним из них уже в прихожей. Спрашивать, как он проник в мой дом, было бессмысленно: для таких гостей еще не придумали замков. В руке он держал какие-то безобидные с виду бумаги, а вот двое его спутников в черных масках были вооружены автоматами:

– Привет, Виталик, – с усмешкой обратился я к державшему бумаги человеку. – Я хоть и выпимши слегка, но все же удивлен причиной столь откровенного вторжения. Короче, что случилось-то?

– Понимаешь, – он мялся и заглядывал в свои листки, – я даже не знаю, с чего начать.

Виталик мой заместитель. Во время моего отпуска он полноценный руководитель, а случись со мной что-то непоправимое, он встанет к рулю вместо меня. Мы знаем друг друга двадцать два года, еще с четвертого курса института, и между нами никогда не пробежала кошка.

– Начни с чего-нибудь, – ответил я, – например, присядь и попроси ребят выйти.

– Не могу.

– Почему? – искренне удивился я.

– Боюсь твоей неадекватной реакции, – Виталик был официален и по-прежнему избегал встретиться со мной взглядом. – Если в доме есть оружие, лучше сдай.

«Быть может, это шутка?» Я, пожалуй, простил бы им этот маскарад, они знают, что с чувством юмора у меня все в порядке. Но что-то безжалостно подсказывало мне – никакая это не шутка.

– Есть охотничье ружье, твой подарок. На втором этаже, в сейфе.

– Ключи, – Виталик был непреклонен.

– Вот, – я положил перед ним связку ключей, – желтый ключ от сейфа.

– Сходи на второй этаж, – скомандовал Виталик одной из «масок», – и повнимательней там.

– Слушай, – я начал с обычной тональности, но, по мере того как я говорил, голос мой повышался, и закончил я на совсем высокой частоте. Парень в маске откровенно направил на меня автомат, но мне было уже все равно: я был в бешенстве. – Какого черта все это значит, твою мать! Вы что себе позволяете!

– Ну вот, теперь можно и присесть, – хамовато ухмыльнулся Виталик и, опустившись на стул, положил перед собой бумаги. – А случилось вот что: твоя жена арестована.

Вот тут меня по-настоящему накрыло. Воздух в легких превратился в раскаленный пустынный суховей, а сердце замолотило, словно заячий хвост:

– Оля?! Арестована?! Как?! Ты что несешь?!

– Несет на толчке, а у меня предписание на твой арест и обыск в доме.

И все. Я сразу понял, что сейчас попытка что-то сделать лишь поставит Виталика в еще более неудобное положение. Если я окажу сопротивление, ему придется... Мало ли какие мысли у него в голове. Ведь случись что со мной, кто тогда становится начальником? А формулировку «оказал вооруженное сопротивление при аресте» никто не отменял, ее придумала сама жизнь – дама мудрая и бескомпромиссная.

* * *

...Пригласили понятых. Обычно понятые – это кто-то из соседей, но этих я никогда раньше не видел, наверное, Виталик привез их с собой из Москвы. При обыске у меня в доме нашли огромный чемодан с деньгами, три пистолета «Глок» австрийского производства, четыре килограмма кокаина, акции нескольких крупных западных компаний, в том числе автоконцерна «Тойота», и много всякого золото-бриллиантового барахла. Происхождение всех этих вещей, которые ушлые сыщики доставали на моих глазах из самых неожиданных мест, было мне неизвестно, но я сопоставил это с Олиным арестом и понял – вот она, причина, по которой моя жена сидит сейчас в камере, а я готовлюсь занять местечко по соседству.

У Оли свой банк, и я, разумеется, имею к нему кое-какое отношение. Во всяком случае, именно благодаря мне банк обслуживает немало ведущих государственных компаний и в нем никогда не было ни одной серьезной внешней проверки. Знаю я этих «проверяльщиков»: все мысли только о том, как бы набить карман. Я никогда глубоко не вникал в Олины дела, и на мой вопрос «Как у тебя в банке?» она неизменно отвечала, что все в полном порядке, что все работает как часы и мне не о чем беспокоиться. Я всегда доверял ей, а она открывала филиалы и пропадала на работе по четырнадцать часов. Я могу поклясться на чем угодно, что не знаю, откуда в моем доме взялись какие-то деньги и кокаин. Но что есть, то есть, и после таких результатов обыска кроме как в микроавтобус и податься-то больше некуда.

Виталик сел в автозак вместе со мной и, лишь когда мы остались наедине, превратился из бездушного исполнителя в прежнего человека.

– Где Оля?

Виталик пожал плечами:

– Я этого не знаю.

– Тогда какого же ты говоришь, что ее арестовали?

– А ее и арестовали, только не учли, что она у тебя очень пряткая. Как кузнечик. Арестовали ее недалеко отсюда, в пяти километрах от твоего дома. Все прошло тихо, спокойно, – Виталик рассказывал так, как будто сам он и арестовывал мою жену, – повезли ее в Москву, даже в другую машину не пересаживали, только поменяли шофера. Привезли в следственное управление, там сразу на допрос...

– Но в чем ее обвиняют?! – я не выдержал и сорвался на крик. Хорошо, что стенки в нашем автозаке звуконепроницаемые.

– Соккрытие налогов, отмывание денег, занижения там всякие, но это так, по мелочи. На ней четыре убийства висит.

– Бред.

– Нет, брат. Не бред, – Виталик был очень серьезен и с сочувствием смотрел на меня. – На вот, погляди.

Из папки он достал фотографии, много фотографий, а на фотографиях этих была моя Оля, совершенно голая. Ну, голая и голая, с кем не бывает, только вместе с ней были мужики, много мужиков, на каждой фотографии разные. Молодняк, лет двадцать, не больше, и Оля моя с ними... А Виталик все говорил и говорил. Из всей его речи мне запомнилось немного, но суть ее была чудовищной. Моя жена жила двумя жизнями: обычной и вот такой, как на этих фотографиях, – и я ничего об этом не знал.

– Четверо из таких вот осеменителей, – Виталик брезгливо дотронулся до какой-то из фотографий, – были ею застрелены собственноручно, они пытались ее шантажировать. А на допросе она заявила, что выполнила все это под твоим давлением, якобы тебе все стало известно и ты настаивал на таком вот ритуале, чтобы сохранить семью. И по части ухода от

налогов у тебя тоже была первая партия. Ты же официально не можешь быть учредителем банка? Короче, она все свалила на тебя, а потом с ней случился сердечный приступ.

– Так она умерла? – я был абсолютно спокоен. Эти несколько минут зачеркнули целую жизнь, так чего теперь волноваться.

– Ага, если бы! Вызвали «Скорую», те сказали, что необходима госпитализация в специализированный стационар, иначе умрет. Отвезли ее в Бакулевский институт, а она оттуда – пшик! – испарилась в неизвестном направлении. Вот такие дела. Начали искать. Стали тормозить местную станцию «Скорой помощи» и выяснили, что такой бригады у них отродясь не было, а раз не было бригады, то это заранее прекрасно спланированный вариант плана отхода, не иначе.

Я даже забыл на время о своем незавидном положении и машинально стал прокручивать версии Ольгиного побега.

– А как же охрана? Вы оставили кого-то в больнице?

– В том-то и дело! Она испарилась прямо с каталки, когда ее везли в оперблок. Ребят туда не пустили, и они, само собой, теперь не в курсе, как и что там было. Короче, вот что я тебе скажу, – Виталик вплотную придвинулся ко мне и очень тихо произнес: – Ты теперь крайний, брат. Позвонили сверху, настолько сверху, что отмазать тебя вот прямо сейчас никак не получится.

– А то, что у меня дома оказалось? Тоже, видимо, чей-то план?

Виталик сразу ответил, он явно ждал этого вопроса:

– Мы ничего не делали. Твоя жена, перед тем как свалиться с мнимым приступом, сказала, что ты организатор наркотрафика, террорист, оборотень в погонах, внук Адольфа Гитлера, одним словом, ужас ходячий, а она человек подневольный. Еще сказала, что между вами давно нет ничего общего и ваши отношения держались исключительно на ее страхе перед тобой, и это ты заставил ее выводить активы банка из госкомпаний и тому подобное. Она обналичила почти миллиард долларов, брат. Миллиард чужих денег. И с ними или отчалила в неизвестном направлении, или...

– Что или?

– Или ее убрали.

– Кто?

– Ты.

* * *

После допроса меня посадили в вип-одиночку «Матросской Тишины». В ней когда-то сидел Ходорковский и еще много всякого подобного народа. Здесь я провел совсем немного времени: ночью очередной автозак доставил меня в совершенно неизвестное место. Ехали мы довольно долго, впрочем, это могла быть обыкновенная уловка: автозак нарезает круги по Москве, чтобы сбить меня с толку. Новая камера оказалась бункером без окон и с минимумом необходимой для подобия жизни обстановки. Свет здесь горел постоянно, и уже очень скоро я перестал понимать, в каком времени суток нахожусь. Ко мне никто не приходил, меня не вызывали на допрос, я не понимал, что происходит, и тот, кто приносил мне еду, лишь усмехался, когда я пытался его разговорить. Однажды я проснулся и понял, что не помню, как попал сюда. Я смотрел на шершавую стену своей тюрьмы, и в голове, словно последний маяк гавани мудрости во мраке безумия, слабо вспыхивал один-единственный вопрос: «Зачем жить, когда из жизни ушла радость?» А затем и этот последний маяк потух.

Шурик

Меня вернул к жизни поворот ключа в бронированной дверце моей камеры. Я привык к звуку, с которым открывал дверь тот-кто-приносит-еду, но этот звук был иным, он отличался от манеры моего тюремного кормильца. Спустя мгновение на табурете напротив меня устроился незнакомый мне ранее человек, одетый в высшей степени странно для подобного места. На нем был короткий твидовый пиджак спортивного покроя в крупную клетку и с заплатами из темно-коричневой замши на локтях, из кармана пиджака виднелись свежие лайковые перчатки, кашемировая черная «водолазка» без горла обтягивала мощный торс, глубоко – набок – надвинутая мягкая шляпа, черные, спортивного покроя брюки и коричневые ботинки с закругленными носами, начищенные по-военному зеркально. Человек без лишних предисловий подал мне руку и коротко представился:

– Шурик.

– Павлик, – в тон ему ответил я.

– Знаю, – он рассматривал меня брезгливо и холодно и наконец резюмировал: – М-да...

– Не нравлюсь? – получилось у меня до того горько и с иронией, что я сам от себя не ожидал такого.

– Нет. Не нравитесь. Выглядите отвратительно, – он говорил короткими фразами и в конце каждой словно ставил точку крошащимся от напора карандашным грифелем. – Отсутствие дневного света и движения не пошло вам на пользу.

– Вы знаете, я боюсь, что не только мой внешний вид ужасен. Я серьезно опасаясь за свой разум.

– Что с вами?

– Какой сегодня день недели? Число? Год?

– С календарем я вас ознакомлю позже. Сейчас вас необходимо привести в норму во всех смыслах. Едем немедленно.

Я уставился на него, и в моем полубезумном взгляде другую половину заняло откровенное непонимание:

– Куда? Зачем? Кто вы такой?

– Позже. Считайте, что я ваш освободитель. Впрочем, так оно и есть.

И мы сели в обыкновенную легковушку, причем Шурик был за водителя, а я сидел впереди, пристегнутый ремнем, и с жадностью смотрел по сторонам. Местом моего заточения был неприметный домишко промышленного вида в ближайшем Подмосковье. Называть его точного адреса я не стану, так как у меня есть все основания полагать, что домишко все еще стоит на своем месте, так же усиленно охраняется и используется по своему прежнему профилю: служит входом в подземную тюрьму особого назначения. Лучше не только не попадать туда, а вообще ничего о ней не знать.

Приехали на Пречистенку, свернули куда-то в проулок, Шурик остановился возле двухэтажного особняка – образчика московского классицизма. Вывески возле входа не было, припаркованных машин тоже. Туда-то мы и вошли. За дверью – офицер в чине майора, перетянутый португеей, с пистолетом на боку. Отменно вежлив: откозырял и назвал меня по званию. Захотелось сказать ему спасибо, в горле защекоталось. Сдержался, конечно... Не хватало еще, чтобы подумали, что я вдобавок к своему неказистому облику (увидел собственное отражение в зеркале заднего вида автомобиля – мрак и ужас) сломался и стал истериком. Шурик предложил подняться на второй этаж, и я оказался в месте, весьма напоминающем городскую квартиру: спальня и кабинет, небольшая ванная с душевой кабиной и такого же размера мини-сауной. Очень тихо – особняк укрыт от автомобильного гула дворами, и в окнах толстенный

«триплекс». Не роскошно, но и казенщиной не отдает, а уж от прежнего моего «места жительства» отличается, как телефонная будка от песочницы.

Посредине кабинета стоял накрытый стол. Шурик потер руки:

– Прошу садиться. Начнем с закуски. Возражений нет?

– Есть, – твердо сказал я, – сначала душ.

Шурик поглядел на часы, поморщился:

– Приведете себя в порядок позже. У вас для этого будет время.

– Как скажете...

Шурик ел торопливо и неразборчиво, губ не вытирал и ничего не пил. А я налил себе водочки и с удовольствием выпил сто пятьдесят. Шурик взглядом проводил мою руку с рюмкой и быстро спросил:

– Вы алкоголик?

– Нет, но выпить люблю. К тому же я не пил бог знает сколько времени. Вы можете мне сказать, сколько я просидел в общей сложности?

– Три с половиной года, – Шурик испытующе посмотрел на меня, – даже чуть больше. Оптимальный срок для того, чтобы вас прежнего смогли позабыть.

– Самое время сейчас почувствовать себя человеком-невидимкой, – моментально опьянев, ответил я заплетающимся языком. – В детстве любимым писателем был Уэллс и его роман о невидимке. Я хоть и маленький был, а второе дно у книги быстро увидел. Ладно... Я не в себе, извините. Так что с моей женой? За три с половиной года что-нибудь выяснили?

Шурик отодвинул от себя пустую тарелку, вытащил из кармана пачку сигарет и молча, через стол, бросил ее мне, словно кость голодному псу. Хотя чего я хочу? Зэк и дознаватель, он прикармливает меня, ему нужно узнать что-то, вот и задабривает: прекрасный обед, сигареты... Ну и черт с ним, пусть прикармливает. Я не курил тысячу дней, мне снились кольца табачного дыма. Я с жадностью схватил пачку...

– Жену вашу вчера нашли мертвой.

Равнодушие – сильное чувство? Оно вообще может быть каким-то, кроме «просто» равнодушия? У меня внутри стало совсем пусто, так пусто, что пустота эта, словно угарный газ, заполнила все полости в пещерке души.

– Где?

– В Лондоне.

– В парке, ночью? Громила в черной толстовке?

Шурика покинуло хладнокровие, и он изумленно уставился на меня. При этом в уголках рта у него выступила неприятная белая «накипь», словно Шурик превратился в закусившего удила коня:

– Кто вам?! Откуда?!

– Долго объяснять, а главное, мне вам сказать нечего. Просто пришло в голову. Только что.

– Намекаете на внутренний голос или что-то в этом роде?

– Да нет никакого голоса. Я не знаю, откуда мне это известно. Просто вы рассказали про Ольгу, а я открыл рот и вдруг сказал про громилу.

Шурик наконец воспользовался салфеткой, скомкал ее. Кусок оранжевой бумаги торчал из крепко сжатого кулака, словно парус или знамя над крепостью. Мой визави, видимо, что-то решив для себя, кулаком саданул по столу:

– Мне не нравится то, что невозможно объяснить!

– А по-моему, все понятно. Не чужой мне человек, мягко говоря, – я отвечал рассеянно, старался не смотреть Шурику в глаза, а словно глядел мимо него. – Вот и приходит ко мне что-то такое, чего и впрямь нельзя объяснить словами.

– Ну ладно, допустим. Вам отдохнуть надо, вы тут обживайтесь, я вас беспокоить не стану, а вот присутствие доктора вам придется потерпеть.

– Да я вроде ни на что особенно не жалуясь. Вот только голова меня беспокоит.

– Мы мозговеда как раз и пришлем к вам.

– «Мы» – это кто?

Шурик отколол забавную штуку: он извлек из кармана пиджака кипу и, заменив ею шляпу, которую, надо признаться, так ни разу и не снял с момента нашего знакомства, повернулся ко мне в профиль:

– Похож я на еврея?

– Совсем не похож. У вас нос курносый и от голубых глаз пахнет русским севером. Откуда вы? Архангельск? Мурманск?

– Мурманск, – Шурик стащил кипу, – почти. Там недалеко есть режимный городок подводников. Это даже не важно, откуда. Но организация у нас хорошая. Зарплаты большие, командировочные огромные, премии фантастические, а представительские расходы настолько грандиозны, что позволяют испытывать щемящее чувство превосходства перед сидящими в первом классе пассажирами.

– В первом классе чего?

– Чего, чего... Да вот хотя бы и какого-нибудь трансатлантического рейса. Ладно, вы давайте тут, осваивайтесь. Врач придет завтра, я загляну через неделю. Аста луэго.

– Это по-испански?

Шурик, не ответив, вышел, и я услышал, как он закрывает дверь на ключ. Из тюрьмы в тюрьму? Пускай. В этой новой тюрьме мне нравится больше.

* * *

Врач обладал, как сейчас принято говорить, «богатой харизмой». Был он в меру толст, носил галстук-бабочку и шелковый белый халат поверх костюма, курил трубку; лицо его украшала чеховская бородка клинышком. Когда он усаживался напротив и мы принимались беседовать, то на носу его появлялись очки для чтения и он, закидывая назад голову, смотрел на меня сквозь узкие дольки линз. Я рассказывал ему о том, что помню, а он ненавязчиво подводил меня к краю провала в памяти и указывал на узкий мостик, висящий над бездной. Я принимался несмело ступать по этому мостику и вспоминал что-то еще из собственной жизни. «Вы просто устали и распустили свою память по ветру. Но мы с вами пройдем и подберем то, что потеряно. В любом лечении главное – верить доктору».

Вот так, по шажку, ведомый за руку мозговедом, я вспомнил все, а вспомнив, свалился с сердечным приступом. Когда тебе за сорок и дом твоей жизни пережил прямое попадание из трехсотдвадцатимиллиметрового орудия, когда жена, которая не рожала тебе детей, говоря, что нужно еще немного потерпеть, у нее очень много работы и совсем неплохо еще чуть-чуть пожить для себя, оказалась озабоченной сучкой и, оговорив тебя, улетела за море, а ты, потеряв все, превратился в ничто, – тогда осознание всего, что произошло, не постепенное, а полученное единым разом, рвет твое сердце на британский флаг. Приступ я отбил, не стал никому ничего говорить, просто решил, что если суждено помереть вот так, в чужой кровати чужой квартиры одному, в три часа ночи, то пусть так тому и быть – плевать. Стиснув зубы и закрыв глаза, я чувствовал, как молотит сердце со скоростью сто сорок ударов в минуту, и понял, что если удастся встретить рассвет, то я, полностью очищенный, получу право жить дальше. И плевать на все, что я вспомнил, – оно не будет тянуть меня назад. Рассвет наступил, и с ним пришла новая жизнь.

* * *

Шурик вернулся через неделю. Я теперь уже осмысленно рассмотрел его. На вояку или чекиста он не был похож совершенно, а это, учитывая специфику места нашей встречи и майора на входе, могло означать только одно: Шурик работал на правительство, что называется, «напрямую».

Я, конечно, слышал раньше о существовании некоего закрытого государственного агентства, которое не было похоже ни на одну из существующих в стране спецслужб. Военных туда не брали, туда вообще не брали никого, кто хоть каким-то боком мог относиться к нашим силовым ведомствам. В агентстве была своя система подбора персонала и его обучения. Вот и все, что я когда-то слышал краем уха под пиво с креветками от одного моего сослуживца, и рассказывал он это на манер сказки в стиле «жили-были». Поэтому всерьез я тогда его рассказ не воспринял: чего под пиво не расскажешь. Сейчас, глядя на смахивающего на архитектора или режиссера Шурика, я решил «вскрыть» его лобовым вопросом:

– Ну хорошо, допустим, вы есть на самом деле и то, что мне рассказал мой хмельной приятель, правда. Но как объяснить наличие майора на входе?

Он и бровью не повел. Прекрасная реакция!

– А что майор? Майор в порядке. Это я его придумал, в смысле, чтобы охранник был в военной форме. Снимает многие вопросы у неожиданных гостей.

– А на самом деле он?..

Шурик рассмеялся:

– Ну, уж точно не майор. У нас со званиями вообще неразбериха. Хотя если подумать, так сказать, более пристально, то и неразберихи никакой нету, и все оттого, что у нас вообще нет никаких званий.

– Забавно... Так, значит, вы все-таки существуете.

Шурик развел руками:

– Если можно прийти к такому выводу, лишь глядя на меня, то да, существуем. Смог же я достать вас из каменного мешка? А это не каждому под силу, во всяком случае, лишь тому, кто «в теме», не так ли?

Я понял, что сейчас-то все и выяснится. Настало время задать главный вопрос, тот, который положено задавать в нужное время и при благоприятном стечении всех обстоятельств. От того, когда именно будет задан главный вопрос, зависит то, какой ответ вы на него получите.

– Шурик, как вы думаете – не настало ли время поговорить обо мне? Я не хочу спрашивать вас о том, с какой стати я просидел три с половиной года в полной изоляции без предъявления обвинений. Это уже история, а история меня не интересует. Меня интересует настоящее, мое настоящее. Свобода, пусть и такая, с лжемайором на входе, возвращает разум и характер. Вновь хочется жить собственными интересами, вновь становишься небезразличен себе, и собственное будущее вызывает неподдельное любопытство.

– Это хорошо, что вы такой любопытный, – Шурик сделался очень серьезным. – Доктор у нас замечательный, правда? Излечит кого угодно, а ваш случай далеко не самый тяжелый. Он ставил на ноги сертифицированных шизофреников. Теперь, когда ваш рассудок более-менее прояснился, я могу говорить с вами начистоту. Вас решили выпустить для одного дела и отпустят совсем, если вы его исполните.

– Расскажите поподробнее?

– Расскажу по дороге.

– Мы должны куда-то ехать? Далеко?

– Далеко. Очень далеко. И не ехать, а лететь...

Школьный автобус

– Филадельфию, да и вообще весь штат Пенсильвания основал Уильям Пенн – квакер в смешной круглой шляпе, точь-в-точь как на мне. Квакеры – безобидный и жизнерадостный народ, никому никогда не навредивший, не обидевший ни словом, ни делом. Наоборот: несколько сот тысяч квакеров принесли Земле больше пользы, чем многочисленные религиозные агрессоры и экстремисты, вспоминая о своей вере лишь по праздникам. Квакерам не нужно причащаться, исповедоваться и стучать лбом в половицы – их кодекс жизни честь и совесть. Кто знает, может быть, квакеры и есть последние истинные христиане, пронесшие сквозь два тысячелетия неизменное учение Иисуса Христа, который и сам был первым квакером. У них нет церквей, где пахнет ладаном и висят иконы, место их собраний называется «дом встреч», – Шурик рассуждал вслух и при этом сдержанно жестикулировал. В Америке он весь как-то преобразился: стал еще более подтянутым, походка приобрела легкую заграничную ломкость. Его вполне можно было принять за молодого профессора или владельца большого книжного магазина. Квакерство Шурика было его личным делом, но похоже, что он искренне верил в то, что говорил, а искренность присуща не самым плохим людям.

Мы остановились в пригородном «латинском» отеле, одном из тех, чьи хозяева, выходцы из Пуэрто-Рико или Колумбии, не спрашивают документы и кредитные карточки: достаточно просто заплатить вперед наличными и дать пару долларов сверху. Утром я впервые в жизни услышал о квакерах и месте их собраний – «доме встреч». Именно в такой дом мы с Шуриком заглянули спустя месяц, после того как я впервые увидел свет, выйдя из своей темницы под Москвой. В «доме встреч» царили тишина и аскеза: квадратный зал, где проходят собрания, был пуст, длинные лавки беспорядочно сдвинуты, и лишь сухопарая тетка истеричного вида сидела в углу за столом и вчитывалась в какие-то листки. Она по одному брала их в руки, подносила к глазам, затем возвращала на стол и что-то отмечала карандашом, энергично подчеркивая целые абзацы.

– Привет, Дова, – Шурик протянул ей руку, и она ответила цепким рукопожатием теннисистки.

– Это Дова, – пояснил Шурик, – она мой друг. Очень добрая и милая женщина.

– Это не сразу бросается в глаза, – я стоял у Шурика за спиной и говорил очень тихо, по-русски, но тетка все равно услышала и тоже по-русски, со смешным картавым акцентом ответила:

– Годы не лучшие друзья женщины. Считайте, что я не обиделась.

– Извините, – я чувствовал себя очень неловко. Хамить женщине в лицо так же скверно, как и делать это за глаза: мелко и недостойно. Да и вообще высказывать свои суждения о других, незнакомых людях – дело неблагодарное. Звучит по-толстовски банально? Пусть, ведь Толстой силен не этим.

– Ну, вот и познакомились, – Шурик выглядел сосредоточенным. – Дова, как чувствует себя банк «Ваковия» в связи с финансовым кризисом и другими дарами глобализации?

– Банк «Ваковия», – в тон ему ответила тетка, – несмотря на кризис, чувствует себя не настолько плохо, чтобы не иметь в запасе на черный день миллиард-другой. И броневики все так же возят старые добрые наличные и ценные бумаги по отделениям банка, разбросанным по всему Восточному побережью.

– Когда?.. – Шурик нервничал: он сунул руки в брюки, перекатывался с пятки на носок и дергал головой.

– Либо завтра, либо через месяц. Как правило, они завозят наличные для банкоматов раз в месяц, чаще невыгодно, – пояснила Дова.

– Тогда времени у нас нет. Не ждать же месяц. Тем более, что-то может поменяться, а у нас с коллегой, – он кивнул в мою сторону, – документики не то чтобы очень настоящие. У тебя все для нас готово, милая?

– Не скажу нет, – у этой тетки явно было все в порядке с чувством юмора и с хладнокровием. Она вела себя так, словно рассуждала о самых безоблачных вещах. Квакерша, одним словом...

Шурик кивнул ей, повернулся на пятках, оставив на паркете два черных полукружия, и сделал мне знак следовать за ним:

– Пошли, покажу тебе город, заодно сориентируемся на местности. До встречи, Дова.

* * *

Филадельфия прекрасна. Брюс Великий¹⁴ не зря посвятил ей песню – такую же прекрасную, как и сама Филадельфия.¹⁵ Есть города, которые особенно хороши осенью, я так и называю их – «осенние» города. Филадельфия – она как раз из них. И пусть сентябрь только первыми своими днями добавил в воздух осеннего золота, пусть лишь календарю известно, что время года сменилось, – все же настало время расцвета Филы. Все ее краски, поблекшие от зноя, обновились, площади и бульвары были хрупки и чисты, а со стены картинной галереи с высоты бесконечной лестницы дерзко смотрела на город мексиканка Фрида Кало, чьи картины, перекликающиеся красками с Филой, привезли сюда на показ. Мы гуляли по этим прекрасным улицам, пили кофе, курили сигареты и сидели на бортике круглого фонтана Логана. Со стороны мы напоминали двух геев зрелого возраста, тем более что непрерывно фотографировали друг дружку, позировали перед объективом, жеманно хихикали и тому подобное. На самом деле мы снимали маршрут, по которому завтра в пять часов утра поедет нужный нам броневик. Без его содержания у нас ничего не получится. От афиши гордой Фриды мы дошли до центра Конституции и засели в кафе «Старбакс» неподалеку. Это было уже девятое кафе, которое мы посетили в течение трехчасовой прогулки, и двенадцатая или тринадцатая порция кофе. Я взмолился:

– Не могу больше пить кофе. Со мной сейчас случится кофейная кома.

– Пей-пей, – ответил Шурик, который был, по-видимому, кофеманом и после каждой чашки выглядел воспрянувшим духом. – Чай тут паскудный, а кофе замечательный. Дома такого отчего-то нет.

– У нас вода того... Жесткая, – я с отвращением глотнул из своего картонного стаканчика. – Действительно вкусно. Черт знает, чего они туда напихали, но оторваться невозможно.

– Паша, что ты думаешь?

– По поводу?

– По поводу завтра.

– Думаю, что затея гиблая, Саня.

– Называй меня Элекзендер, а то твой «Саня» режет ухо. Почему гиблая? Я так не считаю.

– Сколько у нас человек?

– Нисколько. Ты и я. Полагаю, вполне достаточно.

– Там, в броневике, трое или четверо вооруженных профессионалов...

– Отставных полицейских.

– И это не считая опытного водителя.

Этот парень выглядел неисправимым оптимистом, что порой равняется идиотизму, и мне тогда очень хотелось надеяться, вопреки здравому смыслу, что уверенность Шурика на чем-то основана. На чем-то конкретном, что неизвестно мне.

¹⁴ Брюс Спрингстин. Имеется в виду его песня Streets of Philadelphia.

¹⁵ Краткое название Филадельфии, принятое у американцев.

– Водитель тоже человек.

– Но тогда почему в конце маршрута?! До банка всего четыре квартала, рядом комплекс музеев, везде полно вооруженной охраны!

– Я на это и рассчитываю. Охранники хорошо умеют проверять сумки посетителей, вооружены они револьверами, а у нас будут скорострельные автоматы. И главное, никто не ожидает нападения именно здесь. Охрана броневика перевозбуждена и внимательна на дальних подступах, а в этом месте, на последней миле, они расслабятся.

– Нужна засада. Где именно ее делать? Нужен автомобиль, вернее, что я несусь: нужен грузовик, а здесь, в центре, он привлечет внимание. Да я и не уверен, что грузовики пускают в эту часть города. И где его взять?

Шурик широко, обаятельно улыбнулся. Улыбка вышла на сто процентов американской – в тридцать два зуба.

– Почему обязательно грузовик? Почему не автобус?

Я было открыл рот спросить, где он возьмет автобус, но Шурик, который сидел напротив окна, смотрел поверх моей головы. Я проследил направление его взгляда, повернулся к окну и увидел, что рассматривает он стоянку перед центром Конституции. Вся она была буквально запружена желтыми школьными автобусами, которые привозили маленьких американцев на идеологическую обработку. Для школьников каскад музеев Филадельфии почти то же, чем был для советских пионеров Мавзолей или шалаш Ленина.

– Ты что? Это дети!

– А я и не собираюсь угонять автобус с этой стоянки, если ты об этом. У нас будет такой же. Дова очень хороший сотрудник, по исполнительности ей нет равных.

– Она и впрямь квакерша?

Он посмотрел на меня с удивлением, у Шурика вообще было очень эмоциональное лицо, он играл им, словно профессиональный актер. Хотя если немного подумать, то международный авантюрист и должен быть актером, кредо которого – «верю!».

– А по-твоему, какого черта она делает в квакерском центре?

– А ты?

– Я?! Я – нет. Я не отношусь ни к одной из конфессий, даже к атеистам не отношусь. Предпочитаю вообще не думать о религии. Моя религия – это я сам. Считаю себя вполне самостоятельным для того, чтобы и верить в себя же.

Хорошая позиция. Хороша прежде всего тем, что она честная, практичная и всегда оставляет возможность все-таки начать уповать на Всевышнего, когда припрет окончательно и самоуверенность оставит в по-настоящему тяжелый миг.

* * *

...Школьный автобус был угнан от муниципальной школы городка Лисбург, что примерно в трехстах километрах от Филадельфии, четыре месяца назад, и все это время простоял под землей, в старом канализационном коллекторе. Несмотря на то что коллектор долгое время не использовался, запах того, что по нему текло еще со времен основания города, так и не выветрился. В автобусе изрядно воняло, и я представил себе, что должен был чувствовать человек, перегонявший его в Филу сразу после похищения. Видимо, у него был хронический насморк и гайморит, он не ведал запахов. Не в противогазе же он ехал, в самом деле!

Помимо запаха нечистот в автобусе нашелся небольшой арсенал: ничего лишнего, но для небольшой войны должно хватить. Мы вымыли автобус из шланга снаружи, и я с удовольствием «пролил» бы его изнутри – таким нестерпимым был въевшийся в обшивку аромат. В четыре утра мы с Шуриком переоделись в шоферскую униформу, он уселся за руль, я рядом, на откидное сиденье, еще раз повторили поминутно план наших действий и по длинному сточ-

ному желобу шириной с двухполосное шоссе выехали на поверхность. Солнце еще не встало, но намок на рассвет уже был: слабый отголосок зари появился на востоке тонкой контрастной полосой. Шурик вел спокойно, без рывков, как будто он полжизни водил школьные автобусы и немало поднатерел в этом. На обочине стояла полицейская машина, я видел, как коп проводил нас скучающим взглядом и зевнул.

– Пронесло, – заметил я, глядя в зеркало заднего вида. – Чертов ментяра, и не спится ему. С почином вас, Элекзендер.

– Так и должно быть, – отчеканил Шурик. – Мы с тобой два дерева, остальные пни.

Я медленно стек на пол...

Скорость была миль двадцать, не больше, до места мы добрались без происшествий, и даже полиция нам больше не встречалась, а это было делом небывалым, так сказал Шурик.

– Здесь полиции как того, чем пахнет наш автобус. Фила – номер один на побережье по количеству убийств. Черные шалят, – пояснил он, – но это ночами, а днем все в норме, почти как везде.

Мы въехали на стоянку перед центром Конституции, и Шурик поставил автобус так, что он своей желтой физиономией, похожей очертаниями на профиль ретривера,¹⁶ глядел на нужную нам Вишневу улицу. Двигатель глушить не стал, колеса ручным тормозом не блокировал. Автобус просто уперся колесами в бордюр и замер, готовый к прыжку.

– Пора оторвать топор войны, – Шурик вел себя довольно спокойно, особенно если учесть, что за неизвестность нас ожидала. Он лишь немного побледнел – впрочем, это вполне можно было списать на белесый рассвет.

Я молча кивнул и откинул крышку длинного, похожего на гроб дощатого ящика, выкрашенного в защитный цвет: два пулемета, одноразовые базуки, маски, перчатки, тяжелые армейские бронежилеты.

– Элекзендер, пахнет электрическим стулом – не иначе.

Шурик мрачно поглядел на меня и согласно кивнул:

– И запах дерьма вполне аутентично дополняет этот образ. Не зря же человек обдывается в момент смерти, – он поглядел на часы. – Еще остается пятнадцать минут. Хорошо, что они так рано, что стоянка пуста, что нет детей и случись что, мы их не заденем.

– Чего не скажешь о тех, кто сидит в бронебике. Хотя о чем я... Человек, профессия которого – охранять чужие деньги, должен рассчитывать, что он может не дожить до пенсии. Так что как получится.

Десять минут... Я не хочу рассказывать о своем прошлом, совсем не хочу. Но было в нем такое, и не раз, когда в руках оружие, когда до решающего мгновения остаются минуты, – это просто моя гребаная жизнь, и мне она, по всей видимости, должна нравиться. Чувствуете, как я рассуждаю? Ох, голова моя, голова, зачем ты так рано испортилась, словно кто-то проник в тебя, обосновался и сейчас всю оспаривает мое право на владение тобою. А ведь иногда, в сладкие моменты просветления, я все еще мечтаю. Мечтаю о том, что однажды наконец пойму – либо я слишком хорош для этого мира, либо, что, конечно же, вернее, этот мир слишком хорош для меня. И тогда я уеду в Сергиев Посад и попрошусь в семинаристы. Возьмут ли? Должны. Что остается человеку, который устал жить, но все еще хочет каждый день встречать рассвет? Только Бог. Забыв о нем в переполненной желчью жизни, где все одинаково на вкус, получив возможность выйти из проклятого круга, начинаешь ощущать его чистый запах, похожий на запах свежескошенной травы и полевых цветов. И удивляешься тому, что, когда ты там пил желчь, принимая ее за истину, то иногда, совсем нечасто, ловил себя на мысли, что где-то есть вот такой, настоящий и честный запах, запах твоего спасения. Да, в моей жизни часто случалось, что между жизнью и смертью оставались минуты, но всегда я ощущал, что

¹⁶ Порода собак.

скошенная для меня трава и розовые, трепетные соцветия клевера в ней еще не превратились в ломкое желтое сено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.